

Виктор Воронов

ПРИГОРШНИ ИЗ ТУЕСКОВ ПАМЯТИ

**ЧЕРЕМХОВО
ЧИКОЙ
ЧИТА**

БАЙКАЛ

ИРКУТСК

БОРЗЯ

ШЕЛЕХОВ

МОСКВА

ПУСТОШКА

ПОВАРОВКА

*Где-то багульник
на сопках цветет...*

ВИКТОР ВОРОНОВ

ПРИГОРШНИ ИЗ ТУЕСКОВ ПАМЯТИ

(часть первая)

ЧЕРЕМХОВО

ЧИКОЙ

ЧИТА

БАЙКАЛ

ИРКУТСК

БОРЗЯ

ШЕЛЕХОВ

МОСКВА

ПУСТОШКА

ПОВАРОВКА

Москва – 2005

Автор благодарен за помощь в издании и оформлении книги
Швецовой Е.Е., Вороновой Л.М., Воронову В. Вас.,
Воронову В.Вик., Шкультину А.И., Мироновой Г.Г.,
Бережному П.П., Фаризовой Н.Ф., Степанцову М.В.,
Адрианову А.Д., Васильеву Н.М., Мачитову З.Ш.

Воронов В.В.

Пригоршни из туесков памяти. –

М.: Издательство Проспект, 2005 г. 92 с.

ISBN 5-98597-042-6

Эта небольшая книга – о земляках автора – замечательных и удивительных людях Забайкалья и Прибайкалья, о тех, кто никогда особенно ничего не ждал, не ждет и не будет ждать от властей, от начальства, от «барина», от «воеводы», от «милостей царя», а кто опирается всегда, и, прежде всего, на собственные силы и добывается всего в жизни сам – своим трудом!

Сюда же добавлены небольшие зарисовки о природе, времени, простых и прекрасных людях, которых автору посчастливилось встретить в других уголках нашей Родины, любовно и гордо зовущейся Россией. Именно с ней – Россией – неразрывно связаны судьбы автора и дорогих его сердцу людей, упомянутых в туесках доброй памяти.

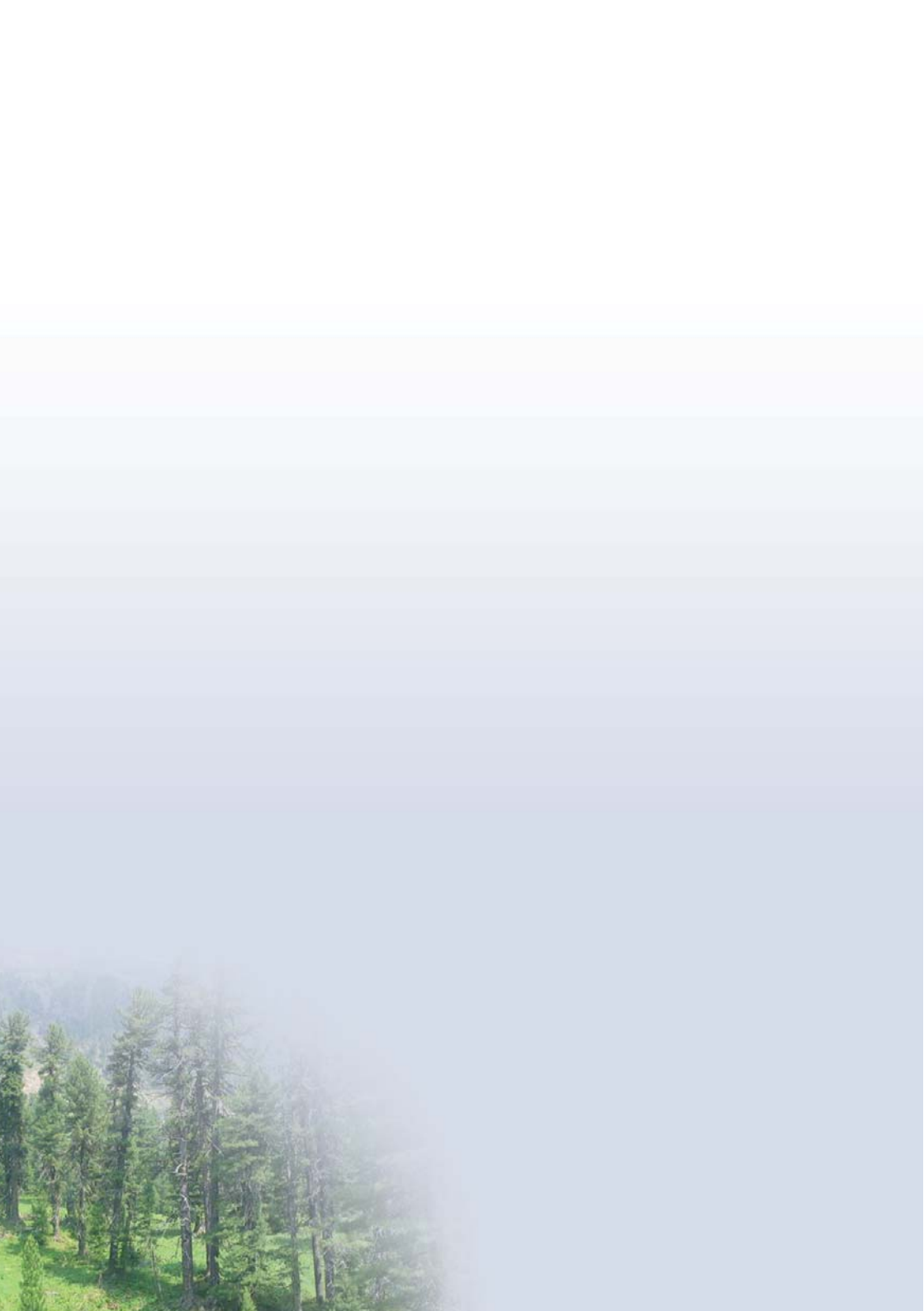
Художественное оформление, компьютерная верстка и дизайн:
И.И. Корнеев, И.А. Петрович

ISBN 5-98597-042-6

© Воронов В.В.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ОТ АВТОРА	5
О туесках и пригоршнях	7
Фото из семейного альбома	10
Глоток Родины	12
Чикой	18
Школа	26
Промхоз	35
Черемхово	42
Тетя Поля	45
Война, Победа и победители	47
Затягиваемое расставание	52
Самое лучшее время... ..	66
Охотничья страсть.....	74
Задержавшаяся осень	75
Звуки тишины	78
Любование жасмином	80
<i>из личного архива</i>	
Обращение к землякам	81
Письмо директору школы.....	83
Страница из Элитной охотничьей энциклопедии.....	85
Наша песня	88

Эти записи – туески, как я их называл, сделаны для себя и самых близких мне людей – мамы, жены, брата, сына, племянников и племянниц, невесток, тестя и тещи, сватовьев.

Однако вскоре я почувствовал необходимость предоставить возможность их прочесть своим землякам-черемховцам, а также шелеховчанам, иркутянам, москвичам и тверичам.

А теперь, думаю, пусть хоть раз их прочтет или пробежит глазами и может быть найдет в них для себя что-то свое, сокровенное, свежее и родниковое любой желающий.

Я буду этому только бесконечно признателен!

Автор

***Посвящается Швецовым –
Евдокие Ефимовне и
Серафиме Никифоровне –
моим маме и бабушке,
и жене – Ларисе Михайловне!***

О ТУЕСКАХ И ПРИГОРШНЯХ

По словарю известного исследователя русской словесности Владимира Ивановича Даля **туес** – восточно-сибирское слово (уменьшительное – **туесок**) – «...бурак, бурачок, берестяная кубышка, с тугою крышкою и со скобкой или дужкой в ней».

Деревенские умельцы делали их из бересты. Для этих целей выбирали ровную, с меньшим количеством сучков на основной части ствола, березу. Спиливали ее весной или летом, когда по ней шел березовый сок и еще не появилась сладковатая гущина – мезга. Далее распиливали березу на отмеренные, по предполагаемой высоте туеска, куски и специальным инструментом – сколотом (типа стамески) снимали кругами внутренний – желтый слой бересты, начиная с тонкой части, как бы с вершины, дерева.

Затем, снятую кругами и цельную (не разорванную) бересту (сколоту) запаривали в горячей воде, заворачивали снизу и сверху, оборачивали вторым слоем бересты – «рубашкой» (уже не цельной, а с замком) и ставили дно. Оно выпиливалось и подгонялось впритирку. Береста после кипятка ссыхалась, и дно держалось очень крепко. А сверху делали крышку с дужкой или скобкой.

Туески бывали разных размеров – от самых маленьких, в которые не смогла бы даже пролезть рука ребенка, до больших, в которые почти как в кадки (бочки) хозяйки аккуратно, слой за слоем укладывали и солили губастые сырые грузди и рыжики.

Туески, занесенные с мороза в дом, источали приятный запах березы и березового сока. В них в ранившие времена держали разное – сметану, бруснику, соль, творог, сахар, простоквашу и даже молоко. В туесках оно подолгу не скисало.

Туески были, конечно, не такие, как сейчас в большинстве своем встречаются среди продаваемых сувениров. А настоящие – двойные, без стыка на внутреннем слое и достаточно прочные. Подобный туесок привезли нам родственники жены из Шелехова. Изготовлен он был более ста лет назад. И он, по-прежнему, пригоден для всего того, для чего и был сделан каким-то прекрасным и мастеровитым человеком из села Олха Иркутской области в те такие теперь уже далекие времена...

И мы тоже в течение жизни многое складываем в свои своеобразные **туески памяти**.

И вот как хозяйка, принося в дом туески из погреба или из кладовки – с холода, как тогда говорили, радовала их содержимым своих домочадцев, так и мне хочется из **туесков своей памяти** выплеснуть **пригоршни** ярких и родниковочистых воспоминаний и впечатлений **о жизни простых, настоящих людей, с которыми мне посчастливилось в разное время встретиться...**

А **пригоршня**, по словарю В.И.Даля, – «...мера сыпи, всего сыпучего: сколько загрести можно в обе ладони вместе...». Так двумя ладонями рук, совмещая их вместе, можно взять пригоршню зерна, земли, кедровых орехов, брусники, голубики... Пригоршней можно зачерпнуть воду из родника или ручья, чтобы умыться или утолить жажду... Купаясь в реке, пригоршней можно захватывать воду и плескать ее себе в лицо или, играя как в детстве, друг в друга.

...Так вот, купаясь в воспоминаниях, я **пригоршнями** выплескиваю из **туесков своей памяти** самое-самое сокровенное и дорогое моему сердцу.

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АЛЬБОМА

Этой фотографии почти сто лет. На ней, слева, запечатлен мой дедушка по материнской линии – Швецов Ефим Никитич – забайкальский казак, георгиевский кавалер, большевик, красный партизан, хлебопашец. Он, к сожалению, не дожил до моего рождения, но я много о нем знаю со слов бабушки и мамы, а также бережно храню копию этой сохраненной ими фотографии.

Он прошел срочную службу в Забайкальском казачьем войске, затем всю первую мировую империалистическую войну 1914-1917 годов, где был награжден георгиевскими крестами, вернулся большевиком в родное забайкальское село Зерен, устанавливал власть Советов в рядах красных партизан в гражданскую войну, а потом, как и многие, снова пахал, сеял, убирал урожай, вступал в колхоз, по чьим-то наветам два раза почти по полгода держался в «органнах», но был, по-види-

мому, полностью оправдан. Об этом свидетельствует ответ на запрос моей мамы в 1996 году в Читу: «...ни в каких архивах не сохранилось документов о его репрессировании».

...А на другой фотографии, примерно той же давности, крайняя слева – моя бабушка Швецова Серафима Никифоровна с маленькой дочкой, будущей моей тетей Ирой, свекром – моим прадедушкой Никитой Клеонидовичем, женой брата мужа Миланьей Кузьмовной и ее сестрой Матреной. Она в те далекие годы спрятала дедушкины **георгиевские кресты**, как наиболее ценные в доме вещи, в **один из туесков** в кладовке. Японские солдаты, воевавшие на стороне белой армии и зашедшие в их дом, вместе с туесками со сметаной и другими продуктами унесли, к сожалению, и этот туесок с боевыми наградами дедушки.

Добрую память о никогда не виданном дедушке и гордость, что я тоже являюсь потомком забайкальского казака, гураном, как зовут себя коренные жители Забайкалья, я несу в себе всю жизнь. И когда я бываю в Георгиевском зале Московского Кремля и читаю имена георгиевских кавалеров, то каждый раз испытываю трепетное волнение от великой общности с неувядаемой славой наших российских героев.

*...Сюда мы с тобой
непременно должны
Однажды вернуться,
однажды вернуться...*

Михаил Матусовский
(Из песни «Березовый сок»)

ГЛОТОК РОДИНЫ

(три дня через тридцать три года)

нестерпимую летнюю жару порою т-а-к х-о-ч-е-т-с-я утолить жажду глотком холодной, студеной воды.

А с прожитыми годами все больше и больше ощущаешь потребность и даже жгучую необходимость в **глотке**

из светлого и чистого родника детства – глотке Родины.

И как от холодной родниковой воды сводит зубы, так и от глотка Родины замирают душа и сердце.

В народе не зря говорят: «Тянет туда, где зарыта пуповина...». Так и меня с братом Владиславом тридцать три года неумолимо тянуло в далекое и родное забайкальское село Черемхово, находящееся в верховьях реки Чикой – на юго-западе Читинской области.

Здесь мы, трое братьев, жили в детстве с мамой, отцом и бабушкой.

Родственников в этом селе у нас никогда не было. Но на вопрос коллег и друзей: «А к кому же вы собираетесь ехать?» – я

ровое стекло автомашины, которая мчит нас из Иркутска на восток, за тысячу километров – в таежное и горное Забайкалье. И хоть так хотелось остановиться и пообщаться в очередной раз с нашим любимым Байкалом, но поскольку главные наши устремления были направлены вдаль, ограничили эти приятные мгновения лишь любованием нашим красавцем через окно автомобиля.

Тридцать три года – немалый срок... И воды в нашей реке Чикой много утекло, да и в нас, в стране и в мире многое изменилось. Но когда мы все ближе и ближе подъезжали к Черемхово и стали мелькать и всплывать где-то в памяти такие знакомые названия соседних селений – Барахоево, Коротково, Большаково, Красная речка, Фомичево, Захарово, Осиновка, Шимбилик, Могзон, Большая речка, Афонькино – мы как будто вновь окунулись в наше далекое бо-соное детство...

Сегодня детство кажется нам таким чистым и светлым, как родник. От этого тянет к нему и хочется пить, пить и пить эту кристальную свежесть чувств и простых человеческих отношений...

А еще тянет к деревне. Деревня, какой я ее помню с детства, тоже кажется такой светлой и самобытной. Думаешь – вот жил бы и жил здесь и не знал бы много всего грязного, плохого, нечестного, что, к сожалению, в немалом количестве встречалось и встречается у нас на жизненном пути.

В моей жизни и жизни брата эти два образа – детство и деревня соединены как бы вместе. И именно они являются

для нас заповедниками всего самого лучшего, самого сладкого, самого вкусного и самого, самого замечательного!

Прекрасные и добрые люди окружали нас в детстве. Мама, бабушка и отец всячески помогали им жить лучше, учили и наставляли их детей, отстаивали существование в селе главного очага культуры – средней школы, строили общими усилиями спортзал, пристройку к школе, дом Охотника.

Они со своей стороны также помогали нам всем, чем могли.

...И вот мы уже сидим в гостеприимном доме Бураковых – старых друзей наших родителей – неторопливо слушаем Василия Петровича и Веру Кузьминичну о житье-бытье черемховцев за прошедшие годы. И от их неизменившегося с годами говора, кажется, что все как и прежде, что как бы и не было этих десятков лет...

Но это не так. Время беспощадно – изменяются и люди и селения... К нашему удивлению, количество дворов в селе не только не уменьшилось, но даже увеличилось – примерно, раза в полтора. Оказывается, сюда переехали семьи из дальних таежных поселений. В селе уложили асфальт и даже в части села, вместо одной традиционной вытянутой вдоль Чикоя улицы, возникли две, а местами даже три. На домах, как в городе, появились номера. В школе оборудован компьютерный класс, построена котельная и сделано центральное отопление. Но печи остались в каждом классе – как и раньше – на всякий случай. Уголь для котельной привозят из вновь разработанного разреза около Зашулана – деревни казавшейся тогда такой далекой. Одноклассники оттуда жили в школьном интернате, но на выходные ездили домой. А про залежи угля тогда ходили только отдельные слухи, а про их промышленную разработку никто еще и не заикался...

Но все это было сделано, как потом выяснилось, еще в первые десять-пятнадцать лет после нашего отъезда. А сейчас, к

сожалению, разваливается промхоз, безжалостно вырубается тайга и даже кедровые леса, закрылся курорт Ямаровка, редко ходит рейсовый автобус и также редко приходит почта...

И о многом другом мы услышали в эти памятные дни. Но главное, что мы:

Встретились: с нашей любимой учительницей математики Татьяной Дмитриевной Соболевой, учительницей Серафимой Ивановной Кожемякиной, семьями Бураковых, тети Поли и друга детства Яковлева Николая Михайловича, с пионервожатой Грешиловой Любой, с одноклассником – с кем сидели за одной партой – Шишмаревым Сергеем Максимовичем – нынешним главой администрации села, с одноклассницей Анной Васильевной Михайловой, одноклассником Колесниковым Иваном Ефремовичем, одноклассницами Никитиной Надеждой и Диановой Фаиной.

Побывали: в родной школе, в знакомых классах, где уже в середине июля был проведен ремонт, полы сверкали и пахло, как и раньше перед началом учебного года, свежей краской; в промхозе – заглянули в кабинет директора, где работал отец; в нашем старом доме – где, как и прежде, живет семья директора школы; в администрации села – ранее назывался сельсовет; в магазине – на месте бывшего «сельпо», где стояли в очередях за хлебом (в конце лета – перед «шишкованием») и дефицитными товарами.

Поклонились на кладбище могилам тех, кого, к сожалению, не застали в живых – но кого помним, уважаем и может быть кому в свое время не успели сказать теплые и благодарственные слова...

Поговорили со многими – с кем успели за эти два ко-

ротких дня встретиться, поздороваться, узнать друг друга и обрадоваться этой редкой и почти невероятной, но, к счастью, действительно предоставленной нам жизнью возможностью.

Съездили, как и в ранишние времена – как «выезд в свет» – на курорт Ямаровка, что в десяти километрах. Попи-

ли знакомую с детства минеральную воду «Ямаровка», полюбовались красавцами-кедрами, подышали чудным воздухом соснового леса, запахом тайги, багульника и брусничника.

Угостились в хлебосольном доме Бураковых забайкальскими пельменями, ухой из хариуса, жареным ленком и земляничным вареньем.

Пробежались по лесочку и лугам, где собирали грузди и землянику, косили для коровы Маньки сено...

Вспомнили, что сено гребли деревянными граблями, которые нам делал дедушка Карпов, Максим Епифанович, замечательный деревенский умелец и мудрый старик. Это его внук – Юрка, оставил мне на всю жизнь отметину на голове, почти у виска, сбивая в школьном дворе бумажные самолетики самодельными копьями-дротиками, а сбив с заборного столба меня, пятилетнего мальчугана, наблюдавшего за всем этим.

Постояли в нескольких местах на берегу Чикоя – и под его мирное и строгое течение вспомнили многое из прошлого...

ЧИКОЙ

икой – река моего детства. Как я помню, его почему-то всегда называли в мужском роде – «он», а не она – река. «Убежали купаться на Чикой», «рыбачат вверх по Чикой», «большая вода на Чикое» – было слышно постоянно.

К Чикой относились всегда уважительно, как бы «на Вы». Ведь эта быстрая и горная река, берет свое начало где-то в гольцах Сахандо и несет свои воды в реку Селенгу, которая в свою очередь пополняет озеро Байкал.

Когда мы подросли и стали ее переплывать, то выбирали место с учетом ее стремительного течения. Ведь прямо, как равнинную реку, ее не переплывешь, тебя обязательно снесет течением, как бы ты сильно с ним не боролся.

Вода в Чикое всегда, даже в июльскую жару, холодная. Смешно, конечно, но после купания мы, как правило, грелись у разведенного на берегу костра. А уж дров Чикой приносил нам сам – и много. На его берегах были всегда ветки, бревна, деревья, целые коряги. А местами – у берегов или мест впадения в него других небольших ручьев и речек образовывались целые заторы (плотинки) из всего этого, принесенного течением. Их почему-то называли «лом». Наверное, потому,

что в них были сломанные деревья, ветки и т.п. И чтобы далеко не носить дрова, около них мы и собирались, разводили костры и купались. Здесь же пекли картошку, рыбачили. Иногда не уходили с реки целыми днями – «пропадали на Чикое».

Чикой иногда менял свое русло, смещался то в одну, то в другую сторону от села, подмывал крутые берега и обваливал их, образовывал протоки в широких местах. В этих протоках мы и купались. А иногда плавали и через основное русло Чикоя.

Одну из проток, как вспомнил мой брат Владислав, звали «Лакинской протокой». Она была на другом конце деревни – напротив дома Лахиных – большой и работающей семьи сельского механизатора. Мама часто хвалила их за трудолюбие и приводила в пример другим. Два Николая – Лакин и Васильев, или как мы их тогда каждого звали – Колька, верховодили на этой протоке во время наших купаний. Там был сделан мосток для ныряния и было постоянное место для костра. Ставились своеобразные рекорды по прыжкам в воду – «солдатином» и «головой», устраивались заплывы через протоку и много всего такого забавного и интересного, увиденного нами в кино или вычитанного в книгах.

Летом в дождливую погоду или в жару, когда далеко, в верховьях реки, таяли ледники в гольцах, Чикой становился большим и суровым. Вода в нем мутнела. Могучее течение несло огромные вывороченные с корнями вековые сосны, лиственницы, ели и другие смываемые с берегов предметы и даже части каких-то, по-видимому, расположенных близко к воде, построек.

Уровень воды поднимался высоко. Вода заливала все широкие поймы и низкие места. Стадо деревенских коров в это время уже не могло ежедневно переплывать на ту сторону реки, где была хорошая трава, а паслось вдоль реки со стороны села.

При этом далеко разносился могучий и тревожный шум Чикоя.

Естественно, что прекращалась всякая рыбалка. Рыба не клевала, да и корму ей в мутной воде, по-видимому, было предостаточно.

Но как только большая вода спадала и Чикой вновь становился кристально чистым и светлым, рыбаки устремлялись к нему.

Мой брат, Вовка, не мог сидеть летом без рыбалки. Он все время мастерил новые и новые снасти.

Вначале мы делали «закидушки» – это не длинные лески с одним или двумя крючками на концах. К ним привязывали в качестве грузила камни и забрасывали в реку, предварительно закрепив другой их конец за колышек на берегу.

В то время жилка (леска) была большим дефицитом. Ее старались тратить лишь на поводки к крючкам. А сами закидушки сплетали из ниток, катушки которых выпрашивали у бабушки и мамы. Их сплетали и «сучили» руками на коленях – получалась довольно прочная нить. Кстати, валенки в деревне подшивали тоже ссученными нитками, правда, предварительно промазанными варом, наверное, для прочности и влагостойкости, и которые назывались дратвой.

Особенно удачны были закидушки в ямах и вообще на глубоких местах. На них попадался хариус, налим, ленок, чебак и другая рыбешка.

Потом стали, по примеру старших, делать «переметы» из шелковых шнуров, покупаемых в сельповском магазине на деньги, выпрошенные у родителей или скопленные в ко-

пилке. К ним на поводках из жилки подвешивалось большое количество крючков с червяками. И также, как закидушки, они забрасывались с грузилом, опять же из берегового камня, поперек реки, предварительно размотанные с палки вдоль берега.

Когда переметы вытаскивались, то, как правило, на них всегда попадалось хоть немного, а иногда и много рыбы.

И закидушки, и переметы ставились поздно вечером, а вытаскивались рано утром.

Брат, Владислав, вспоминает, что когда мама, встав подоить корову и выпустить ее в стадо, будила их с Вовкой, то они, протирая со сна глаза, шли на реку проверять снасти.

Но с какой гордостью они затем несли домой добытый трудом улов на специально срезанной ветке прибрежного ивняка! Действительно – «охота пуще неволи»!

Но больше всего Вовка увлекался рыбалкой на хариусов, или как мы их тогда все звали – «харюзов». Для этого он делал специальную мушку-обманку из ярких перьев петуха, пуха дикого кабана и цветных ниток. Подбирал все это под вкус рыбы, наверное, интуитивно, а частично исходя из рыбацкого опыта.

Рыбалка велась на перекатах Чикоя – на самых быстрых местах-стремнинах. Удилища делали из березы или черемухи. Обманка забрасывалась без поплавка и без грузила. Она велась на натянутой течением леске по поверхности воды.

Когда хариус схватывал обманку, делалась подсечка, а затем хариус выбрасывался на берег и отцеплялся с крючка.

У меня была в связи с моей быстрой реакцией резкая подсечка. Отец все время говорил, что я рву губы харюзам. Они у меня действительно часто срывались в воду.

Владимир в этом деле был «мастак». За короткое время он мог «надергать» немалое количество харюзков.

Наш дядя Тима все время при встречах вспоминал, как Вовка при его приезде к нам в гости быстро приносил с реки пойманную им рыбу – «в один момент наловит уже...».

Но это были наши детские увлечения. А отец с Бураковым Василием Петровичем и Юриным Григорием Даниловичем рыбачили на спиннинг. Это было серьезное занятие. Вовка позднее тоже стал с ними ездить на такую рыбалку, как правило, на Большую речку. Это была одна из речек, впадающих в Чикой.

Рыбалка велась днем – на блесну, а вечером и ночью – на «мышь». Это деревяшка, обшитая каким-либо мехом, обычно мехом бурундука или белки, с тремя или пятью якорями разных размеров. Она забрасывалась спиннингом (без грузила) в реку, и ленок или таймень принимали ее за плывущую по реке мышь. Иногда они пробовали ее хвостом, а чаще всего схватывали сразу и становились добычей рыбака.

Таким способом добывались ленки, таймешата, а иногда и большие таймени.

Особо крупные таймени ловились, как правило, в утреннем предрассветном тумане, когда так хочется поспать... Головы некоторых из них даже не входили в ведерные кастрюли, а в длину они достигали двух или даже более метров.

А как изумительно вкусен таймень жареный на простой деревенской чугунной сковороде! При этом он, наверняка, не уступает, а может быть даже и превосходит по своим вкусовым качествам различные другие рыбы и морепродукты, называемые деликатесными.

Богат был в то время Чикой рыбой. Но поймать ее стоило немалого труда и сноровки...

В наш недавний приезд в Черемхово, Василий Петрович Бураков вспоминал, что действительно «...ловил тайменей на двадцать шесть – двад-

цать восемь килограммов...» и даже показал старые фотографии с рекордными уловами.

А вот его рассказ о лучении рыбы ночью острогой: «... «коза» (подставка для костра – прим. автора) стоит на лодке. Смолья **понакладает**... Один стоит – колет, другой – гонит. А лодкой уж не **шабаркнешь**, чтоб об лодку стукнуть шестом... не спугнуть рыбу – сразу убежит... кверху гонишь лодку. И колоть надо уметь... Дед Михей, помните, только меня брал лучить. Я же легонький, а он здо-ро-вый... Смолья накладешь, и он меня как катит... Ага... **Быстрина**. Я подмогать ему... надо. «Кого ты подмогаешь. Я один управлюсь. Рыбу гляди на быстрине. Только мимо не давай!». Раз... Раз... Раз. «Главное, что пойдешь лучить – первую рыбину не вздумай промазать!» ...Первая рыбина... все... аа... так... хорошо. Фарт будет... и пошел...

...На остроге четыре зуба и жало. С шестом метра три – чтоб на глубине лучить... держать острогу умело надо... ...Сейчас никто не ходит лучить...

...Вот **смолье** с сосны, с корней зажжешь... Долго горит и **светит** браво...».

В Чикой впадает много рек и речушек. Выше нашей деревни, с противоположной стороны, в Чикой впадает речка с красивым названием Иссутай. Что это название означает, неизвестно. Река эта в малую воду очень даже безобидная –

можно перебрести вброд на перекате. А вот в большую воду она становится шумной и могучей. В ней как бы просыпается огромная сила, и она сливается с большой водой Чикоя и затапливает небольшие косы и острова. А при обычном ее уровне на ней очень любили рыбачить мои братья. Они уходили туда на целый день и усталые, но довольные возвращались к вечеру, когда все мы уже очень о них волновались.

Именно там, на другой стороне Чикоя, был знаменитый в те времена иссутайский бор, состоящий из прекрасных устремленных в небо стройных забайкальских сосен. Одно любование ими доставляло тихую радость общения с великими творениями природы.

А вообще-то и Чикой, и вся его широкая, извивающаяся и простирающаяся на десятки километров в обе стороны долина – от одних гор до других – поистине прекрасны и изумительны.

Особенно это великолепно, если смотреть на долину Чикоя как бы с высоты птичьего полета – с высокого хребта, который был за полями и покосами. Это был, наверное, ближний к деревне хребет. Мы забирались с братьями на него ранней зимой, по первому снегу, охотясь на белок. Дух захватывало от открывающейся панорамы. Виделось так далеко – особенно за ту сторону Чикоя, где были основные деревенские покосы, луга, болота и протоки. В солнечную погоду все искрилось и было особенно праздничным и непередаваемо красивым.

Да и сама тайга в долине и прилегающих к ней горах также прекрасна – и зимой, и летом. Зимой – своей суровостью

от открывающейся панорамы. Виделось так далеко – особенно за ту сторону Чикоя, где были основные деревенские покосы, луга, болота и протоки. В солнечную погоду все искрилось и было особенно праздничным и непередаваемо красивым.

Да и сама тайга в долине и прилегающих к ней горах также прекрасна – и зимой, и летом. Зимой – своей суровостью

и строгостью, особенно в трескучие морозы. Летом – дурманящим и ни с чем не сравнимым запахом тайги, состоящим из запахов брусничника, багульника, мха и всего, всего прочего.

Поэтому, слова услышанной в студенческие годы песни «...за туманом и за запахом тайги...» имеют самую реальную основу. И всякий раз истосковавшись в городах по «запаху тайги» и вновь оказавшись в тайге, вдыхаешь полной грудью этот запах, этот воздух, этот аромат трав, смолы и всего, всего такого знакомого с детства...

Так же незабываем мною всю жизнь удивительный вкус черемховского земляничного варенья, которое бабушка варила на небольшой печке, сложенной прямо у нас в огороде, из собранных нами в лесу с братьями ягод!

А как красивы горы – отроги Яблонового хребта. На них можно глядеть бесконечно. Вот эти за рекой – далекие, – они всегда кажутся синеватыми. А эти, с противоположной стороны деревни, – близкие – их видно в том цвете – в каком они находятся в то или иное время года. Например, серо-белые – зимой и зеленые – летом. И в любое время в них всегда находишь что-то особенное и привлекательное. И всегда хочется заглянуть за эти горы – узнать, что за ними. Какая там жизнь? Несмотря на то, что знаешь, что за ними такие же горы и такая же кажущаяся безмолвной и действительно почти безлюдная на десятки и даже сотни километров тайга...

А выше нашего села по Чикю располагались небольшие селения и охотничьи зимовья. Один их перечень звучит таежно-поэтично – Поварня, Харцага, Чикокон, Анга, Егоровка, Икшель, Семиозерье, Ядрихино, Усть-Ямаровка... Все эти знакомые с детства названия отзываются в памяти новыми пригоршнями воспоминаний.

ШКОЛА

кола была для всех в селе святым местом и пользовалась непререкаемым авторитетом и уважением. Тяга к знаниям, стремление вывести своих детей «в люди» и дать им образование были в то время огромными.

Построена школа была давно, до войны, в самом центре села, на высоком месте – из крепких лиственничных бревен. Вид этих бревен с годами не ухудшался, а приобретал все более строгий и солидный оттенок. Во всем чувствовалась «рука мастера» – добротность и основательность. Видно было, что строили школу с большим старанием и прилежанием.

В одном из «крыльев» школы, где позднее располагалась «учительская», была «квартира» одной учительской семьи Кардашей, затем переехавших в г. Хилок. В детстве с их детьми мы и проводили время – наш дом стоял как раз напротив – в школьном дворе. Так что школьный двор был для нас как бы и двором нашего дома.

Вначале, как мне помнится, школа была семилетней. Чтобы стать ей средней школой, требовалось соблюдение определенных требований: расширение количества учебных классов, наличия спортзала, производственных мастерских и т.п.

Когда моя мама Евдокия Ефимовна Швецова (она оставила свою девичью фамилию), будучи в то время директором школы, в конце пятидесятых годов прошлого века, поставила эти вопросы на общешкольном родительском собра-

нии – то все родители откликнулись на призыв оказать школе помощь. Было решено, что за каждого ученика родители привозят на строительство пристроек и спортзала школы по два строевых бревна.

И вот так общими усилиями был собран строевой лес. Затем мы, школьники, на уроках труда «шкурили» эти бревна, т.е. сдирали с них кору. А уже строители из промхоза, выделенные моим отцом – директором промхоза, возводили нужные школе постройки.

Конечно, к этому еще следует, наверное, добавить то, с каким трудом мамой и ее коллегами, были «выбиты» средства на расширение школы в районном и областном отделах народного образования, сколько нервов и сил было на все это потрачено.

Но зато с какой радостью потом ученики занимались в спортивных секциях в новом и впервые построенном в селе спортзале. Школа получила статус «средней образовательной школы», и нам повезло, что именно в ней мы получили среднее образование. А иначе, после седьмого класса пришлось бы ехать учиться за три десятка километров в Шимбиликскую среднюю школу.

Школа действительно была очагом культуры и знаний. Все что в ней готовилось – концерты художественной самодеятельности, творческие встречи, новогодние и праздничные вечера – делалось для всех односельчан. Жизнь школы и села были неразрывны.

Представители коллектива школы самоотверженно отстаивали честь школы и села на районных смотрах художест-

венной самодеятельности и спортивных соревнованиях района по волейболу и баскетболу. При этом неоднократно завоевывали призовые места, что служило предметом гордости всех односельчан.

А один председатель колхоза на районном совещании сказал: «...так это та школа, где любят поэзию». И действительно, мама и другие учителя русского языка и литературы, учительский и ученический коллективы активно увлекались поэзией. В школе часто проводились вечера поэзии, оборудовались в классах уголки любимых поэтов.

Этому же способствовал и созданный по инициативе Разумова Юрия Николаевича школьный радиоузел. Была организована трансляция не только в школе, но и на все село. Ежедневно, в семь тридцать утра, звучала короткая передача «Мечтать, надо мечтать...». На регулярной основе и к праздникам звучали радиогазеты «Говорят погибшие герои», «Борцам за революцию» и другие.

А еще, как мне помнится, Юрий Николаевич хорошо преподавал нам географию. Он открывал для нас новые страны, континенты и много всего крайне интересного. Журнал «Вокруг света», по его рекомендации, был у нас очень читаемый. А уж когда он стал преподавать нам экономическую географию, то стало еще интереснее. Ведь каждый из нас хотел стать специалистом своего дела и мечтал трудиться на благо страны на современном оборудованном по последнему слову техники предприятии будущего.

Вспоминаю, что в 1960 году, учась в четвертом классе, по совету мамы я написал письмо Николаю Тихоновичу Яценко – директору Читинского книжного издательства, автору зачитанной нами «до дыр» книги «Босоногая команда», о мальчишках Забайкалья, принимавших вместе со взрослыми участие в борьбе с белогвардейцами и японскими интервентами в годы гражданской войны. Завязалась интересная переписка, и я до сих пор благодарен Н.Т.Яценко,

что он так много времени уделил мне – навязчивому юному читателю из дальнего таежного села. А переписку с ним и книгу с его автографом мама бережно сохранила и передала мне во время долгожданного, очередного, недавнего ее приезда в Москву.

Но пусть не сложится такое впечатление, что все мы – тогдашние школьники – были уж такие послушные и ради-вые. И нас всех совершенно правильно и верно воспитывали и требовали от нас прилежания наши учителя и родители. Были среди нас и более хулиганистые, с которыми учительский коллектив немало мучился. Но все это было как-то по-доброму, с учетом трудностей быта и сложностей того непростого времени.

Учителя у нас были замечательные и терпеливые. Сколько сил они потратили на всех нас, наверное, никому не известно.

Математиком «всех времен и народов» для нас была Татьяна Дмитриевна Соболева. Теперь я уж не вспомню, с какой девичьей фамилией она начала работать в школе после приезда по направлению из Ярославского пединститута.

Впоследствии она вышла замуж за коренного черемховца Николая Кузьмича Соболева, работавшего тогда в промхозе заведующим заготовительным пунктом. Она учила нас логичности в математике, приучала рассуждать при решении задач и искать наиболее рациональные пути их решения. Это же я позднее старался привить и своему сыну – Владиславу, помогая ему в выполнении школьных домашних заданий по арифметике и математике. Этот «рационализм» так мною

усвоился, что я всегда при принятии любого решения стараюсь искать наиболее рациональное, простое и с минимальными затратами.

Ее уроки таких трудных для школьников предметов, как математика, геометрия и тригонометрия были интересны и увлекательны. Они проходили в поиске лучших способов и путей решения задач и примеров. Этот поиск мы продолжали затем уже после уроков – при выполнении домашних заданий, а уже на следующих уроках, которых мы с нетерпением ждали, происходила сверка наших решений.

А в начальных классах нас с братом учила Иванова Татьяна Николаевна. Она с первых наших шагов стремилась сделать школу для нас вторым домом, давала нам массу полезных и жизненных знаний, прививала навыки познания мира. Многие ее практические советы я помню до сих пор.

Примечательно, что наши учителя всегда старались приободрить и поддержать любое стремление учеников к знаниям. Тем самым создавался общий настрой и порыв к овладению современными и перспективными профессиями.

Именно в те времена в школах внедрялась «политехнизация» – овладение приемами рабочих профессий. На уроках труда осваивались навыки столярных, слесарных и токарных работ, элементы плотницкого дела. А в старших классах под руководством прекрасного специалиста своего дела и душевного человека, Иванова Николая Феоктистовича, изучались основы механизации сельскохозяйственных работ и автодело.

По инициативе клубного киномеханика Мельникова Анатолия Васильевича были организованы курсы киномехаников. Мы основательно изучали основы кинодемонстрационной техники, а затем успешно сдали экзамен и получили настоящее квалификационное удостоверение кинодемонстратора. И затем мы с гордостью организовывали показы учебных кинофильмов для других классов и по очереди по-

могали киномеханику в клубе. А киномеханик на селе в те времена, когда в селе еще не было телевидения, был, как говорят, – «первый парень на деревне».

А летом в школе создавалась ученическая производственная бригада, и ученики старших классов в две смены жили в палатках в лесу, работали на полях и отдыхали. Нам даже доверили штукатурировать стены нового пристроенного здания школы. И мы учились делать раствор, набрызг, затирку и другие строительные работы.

А уж заборы вокруг школы под руководством учителя труда, «краснодеревщика», золотых рук мастера-столяра Буракова Василия Петровича мы строили и ремонтировали постоянно. А затем я с братьями строил и ремонтировал заборы и постройки у себя дома. А некоторую мебель, сделанную Василием Петровичем по заказу мамы – буфет для посуды, фигурную этажерку, подставки для цветов – она перевозит за собой всю жизнь, с места на место и как память, и как добротные вещи.

Для нашей семьи тогда понятие «школа – второй дом» имело несколько другой смысл, нежели для других учеников. Скорее всего, школа была для нас одновременно и первым, и вторым домом, поскольку наш дом находился внутри ограды школы, где-то на расстоянии двадцати-тридцати метров от ее основного здания. И долгие годы мы не были отделены от школы даже забором. Школьный двор являлся для нас и домашним двором – здесь мы играли и бегали. Несколько позже мы выгородили забором свой внутренний двор – однако все равно вся наша детская жизнь и летом, и зимой проходила в школьном дворе, и именно через него шли все наши пути-дороги.

В противоположной от нашего дома стороне школьного двора располагался интернат. В нем жили ученики из дальних сел. Поэтому собрать любую команду было легко. Только начиналась игра, как желающих всегда было много. На

шум и звуки к вечеру в школьный двор и к клубу подтягивались и другие сельские ребята. И до позднего вечера, до темноты устраивались различные игры – в волейбол, в футбол, а особенно интересно – в лапту. Эта старинная игра была в то время очень популярна. Были свои мастера резких ударов по мячу и мяч улетал очень далеко – его подолгу все искали. Было всем интересно и увлекательно.

И вообще, школа, школьный двор и расположенный рядом клуб были местом встреч, игр и отдыха. Сюда – в центр села – как магнитом притягивало всех односельчан, а особенно молодежь.

Радостным для нас событием было проведение выборов. Обычно это было в марте. Солнце уже светило по-весеннему, хотя еще стояли холода и везде было много снега.

В школе, начиная с пятницы, оборудовали избирательный участок. Парты с ряда классов уносили в другие классы и ставили в конце коридора – одну на одну – в два этажа. В субботу, как правило, отменяли уроки – и мы радостные занимались своими делами.

Вокруг школы – и днем и вечером проявлялась повышенная активность, – развешивались транспаранты, оборудовались кабинки для голосования, буфет, комната отдыха, звукоусиление. Вечером устраивалось дежурство на избирательном участке. И в непривычно темном по субботам здании школы всю ночь горел свет в окнах. Электростанция в дни выборов работала круглые сутки, а не как обычно – до половины первого ночи.

Но особенно интересным был сам день выборов. В ходе него происходило многое. Были песни, пляски, танцы. Из динамиков, установленных и внутри, и снаружи здания школы, звучал любимый всеми «Севастопольский вальс», «Москва

майская», «Летят перелетные птицы» и другие песни. На саях и в кошевках приезжали голосовать жители ближних сел и деревень. Происходили встречи, велись всякие разговоры, возникали разные истории, которые потом еще долго всеми вспоминались и пересказывались. Телевидения и домашних телефонов тогда еще не было, но зато все это происходящее было всем интересно и привлекательно.

В понедельник в школе восстанавливали все на свои места. Уроков снова не было и дополнительные наши каникулы продолжались. А со вторника все упущенное нами с учителями наверстывалось на уроках – надо было готовиться к экзаменам, их то никто не мог отменить, даже и выборы.

А парты в те времена в школе были на-стоя-щие! С наклонными и откидными крышками, с выемками для ручек и чернильниц, разные по высоте – для младших и старших классов.

Когда мы в 2002 году вместе с новым директором школы Шалбецким Валерием Спиридоновичем вспоминали об этом, то он пообещал, что одну из старых парт найдет и оставит в школе как экспонат.

А писали в то время чернилами и ручками с перьями. Перья подбирали разные (особенно ценилась «звездочка»), и писать ими отдельные элементы букв требовалось с разным нажимом. В первом классе были уроки чистописания. На них и слова, и буквы нас учили писать каллиграфическим почерком в специальных тетрадях с разлинованными листами бумаги.

Самыми «ходовыми», или как теперь можно сказать модными, были чер-

нильницы-«непроливашки». Но их надо было наполнять чернилами, которые разводились из химических таблеток, не полностью. Тогда – при опрокидывании они не разливались.

А носили чернильницы в специально сшитых для них мешочках с затянутым шнурком или веревочкой.

И только позже стали появляться авторучки, в которые закачивались чернила. А уж еще позднее появились сегодняшние шариковые ручки и почерк стал у всех «не очень». А раньше это было не у всех...

ПРОМХОЗ

Главной производственной организацией на селе был промхоз. Его директором был мой отец – Воронов Василий Георгиевич, и поэтому многое из жизни промхоза проходило у нас на глазах, часто дома. Вся жизнь села и его жителей в той или иной степени была связана с промхозом.

Было, правда, еще отделение колхоза, который располагался в другом селе, но все равно все в нашем таежном селе в основном зависело от промхоза.

Промхоз был местом работы большинства взрослых односельчан. Его полное наименование – Верхне-Чикойский коопзверопромхоз Читинского облпотребсоюза – кооперативное зверопромысловое хозяйство. Он входил в систему потребительской кооперации, которая в те годы работала с элементами и принципами рыночной экономики, была как позднее стали говорить – самофинансируемая, самокупаемая и самоуправляемая. И даже теперь трудно сказать, что это было – авангард передовых методов в экономике или организация, в которой сохранялись старые «нэповские» методы экономики.

Одно можно сказать точно – эта организация приносила пользу и людям, и обществу, и государству в целом.

Одним из направлений ее деятельности была организация заготовки кедровых орехов. Кедровники находились далеко в тайге, вдали от дорог. Нужно было завозить людей, продукты и многое другое для заготовки орехов, а позднее было необходимо вывозить заготовленные орехи. Для этого промхоз создал парк автомашин и тракторов, завел табун лошадей, имел мастерские, сушилки, веялки, гаражи, ко-

нюшню, пилораму, электростанцию и многое другое, что служило не только производственным целям, но и удовлетворяло многие нужды школы, сельсовета, клуба и всех односельчан.

Кедр хорошо плодоносит не каждый год. Примерно один год из четырех он почти не дает орехов, один год из этих же четырех бывает очень урожайный, а два других – не очень.

И вот когда орехов добывалось немало, то уже с ранней осени по всей деревне: на улицах и тропинках, на полу в клубе – после киносеанса, в школе – в партах, да и во дворах домов – повсюду была скорлупа от кедровых орехов. Все: и дети, и взрослые в карманах носили одну-две и более горсток орехов. И даже во время разговоров многие не переставая щелкали орехи.

Важно было уметь щелкать орехи так, чтобы не перекусывать пополам ядрышко, а только умело раскусывать саму скорлупу, снимать пальцами ее половинку, языком разворачивать и снимать вторую половинку скорлупы, отправляя само ореховое ядрышко далее себе в рот. Некоторые в этом деле достигали такого мастерства, что щелкали орехи «как белки», быстро, ловко и проворно.

С середины лета во многих домах начинали сушить сухари для охотничьего и кедрового промысла. Хлеб в сельповском магазине раскупался быстро, за ним начинали с раннего утра занимать очереди. Брали помногу буханок, а затем в печах, дома сушили сухари – их набирались целые мешки. Промысловики завозили их вместе с другими продуктами в тайгу – ведь в тайге им некогда, да и некому печь хлеб или

даже лепешки. Там после изнурительного сбивания шишек тяжелым колотом и собирания их под кедром – во мху, в валежнике, в траве – они, стащив мешки с шишками к зимовью, начинали их молотить, сеять и веять. Все это делалось уже при свете костра и уходило глубоко в ночь. А утром, чуть свет, снова колот и сбор шишек... Хорошо, если зимовье находится в самом кедровнике, все ближе таскать мешки с шишками, да и колот тоже. Прекрасно, если кедровник сравнительно чистый и без валежника. Тогда все делается гораздо легче... А вообще-то труд заготовителя орехов очень нелегкий и заслуживает всяческого уважения!

После заготовки кедровых орехов переходили на «белкование» – добычу белок. Цвет шерсти белок к этому времени, после линьки, становился «зимним», и именно тогда ее требовалось добывать.

Как правило, охота на белок велась с хорошей охотничьей лайкой. Для этого хозяин собаку хорошо содержит, «натаскивает» и учит работать «по белке», «по соболю» и тому подобному. Помнится, что и мы тоже держали хороших собак-лаек со звучными кличками – Верный, Дунай, Анга.

В удачные, урожайные на кедровый орех, а, следовательно, и на белку, годы, поскольку ее поголовье зависит от этого, охотники добывали и сдавали в промхоз немалое количество связок шкурок белки.

Одновременно с «белкованием» начиналась и охота на знаменитого баргузинского соболя.

Помню, что в детстве мы с братьями «от корки до корки» прочитали, имевшуюся у отца книгу о жизни и повадках соболя. А вот добыть его нам ни разу не удалось. По следу соболей несколько раз шли – но взять соболя, как говорится, «не подфартило». Уж очень он хитрый, умный и верткий зверек!

Поэтому-то к тем охотникам, что промыслили соболя, в деревне относились с уважением, как бы отдавая должное их охотничьему мастерству.

Конечно, каждый охотник добывал и сдавал в промхоз разное количество этих ценных шкурок соболя:

кто-то – одну-две, кто-то – пять-десять, а кто-то и до двадцати-двадцати пяти соболей добывал за сезон.

Редко, но помнится, что были и «рекордсмены» по количеству добытых белок, а особенно соболей.

И вообще в нашем селе дух и общая атмосфера охоты и добычи орехов и зверя присутствовала везде – в школе, в клубе, на улице, в домах. К охотничьему труду все относились с уважением, а дети с малого возраста брали ружье и шли в лес – что-нибудь добывать.

Заготовка орехов и добыча пушнины были, конечно, основными в деятельности промхоза. Однако наряду с этим промхоз в летнее время успешно вел заготовку грибов, ягод и рыбы.

В урожайные годы груздей и рыжиков нарождалось в лесу большое количество. И мы все за ними ходили, собирали, затем замачивали, мыли и солили в кадках и ведрах.

Приемный пункт промхоза вел заготовку грибов и ягод от населения. И очень удачно. Помнится, что наш друг Колька Яковлев, ныне, конечно, Николай Михайлович, сдал в один год немало груздей и на заработанные таким образом деньги купил себе фильмоскоп. А это было уже «что-то» – показывать своим домашним и друзьям диафильмы. Об этом мечтало тогда большинство школьников.

Особенно много груздей было в Подушке – так называли

место, а скорее всего сопку, несколько поодаль от села. В грибной год туда устремлялось большое количество односельчан – но груздей тайга, березняк и багульник, где они обычно растут, давали всем вдоволь.

Мы же с братьями обычно ходили за груздями и рыжиками на Мадескино поле. Это была залежь, которая началась недалеко от нашего дома, а по ее краям и перелескам росли прекрасные березки, багульник, осинник. И после теплых августовских туманов губастые грузди здесь попадались целыми грядами. Не успеешь срезать один, как взгляд уже отыскивает в листве другой. А с полным ведром этих сырых груздей возвращаться домой было очень приятно!

Кроме всего этого, промхоз выполнял роль, как теперь говорят, «градообразующего предприятия». Своей дизельной электростанцией он обеспечивал электроэнергией в вечернее и утреннее время все жилые и нежилые дома села. Различные строительные и ремонтные работы на селе производили также рабочие промхоза. Необходимые пиломатериалы и дрова можно было приобрести только в промхозе, который заготавливал лес, дрова и на пилораме производил разделку бревен на требуемые виды досок, брусьев и бруса на строительство домов.

Зимой охотники промхоза активно добывали в тайге парнокопытных животных: сохатых, изюбрей, косуль и кабаргу. Их такое ценное мясо сдавалось и также поступало в продажу для населения села, района и области. Летом довольно-таки успешно проводилась заготовка и сдача рыбы. Ее солили в верховьях Чикоя в большие бочки, а

затем сплавляли до Черемхово на плотах. Автотранспорт промхоз старался использовать без порожних рейсов: из райцентра и от ближней железнодорожной станции Петровск-Забайкальский везли в Черемхово различные грузы

для сельпо, школы и самого промхоза, как бы осуществляя «северный», а скорее всего, летний завоз продуктов и товаров для нужд села. В прямом же направлении вывозилось все то, что заготавливал промхоз для государства.

В целом промхоз создал крепкую производственную базу, которая позволяла ему решать многие как производственные, так и социальные задачи.

Гордостью промхоза и его директора было строительство Дома охотника. Не сразу эта идея пробила себе дорогу – нужно было изыскать средства и согласовать все в вышестоящих инстанциях.

Каких это стоило трудов и нервов можно теперь только догадываться. Ведь у Читинского облпотребсоюза в отношении промхоза и его доходов, наверное, были свои интересы и виды. Да и законы и инструкции того времени тоже не всегда совпадали с нашими желаниями и мечтаниями.

Все это было преодолено, и за несколько лет рядом со старым клубом – на радость всех черемховцев – был построен из бруса Дом Охотника.

Помню, что насчет этого названия тоже было немало препятствий. Но отец и его коллеги правильно настояли, что в таежном селе должен быть именно Дом охотника, а не просто сельский клуб.

Это событие действительно трудно переоценить. Ведь в

те годы в селе еще не было телевидения и туда еще не была проведена линия электропередачи. Клуб, а затем Дом охотника, демонстрировавшие в них кинофильмы и ставящиеся концерты художественной самодеятельности и приезжих артистов, а также лекции и торжественные собрания были для всех сельчан «окном в мир» и основными, вместе с радио и прессой, источниками информации.

С чувством благодарности привожу строки из письма Николая Кузьмича Соболева, отправленного автору восьмого апреля 2005 года: «...Я благодарен судьбе, что в начале моего трудового пути она свела меня с твоим отцом. Это был человек аналитического склада ума, обладал организаторскими и хозяйственными способностями, хорошо знал и разбирался в финансах и экономике. В работе смело шел на оправданный риск, не боялся привлекать к работе молодых, неопытных, но энергичных людей. Недаром мы в короткий срок на пустом месте построили прекрасную базу промхоза. Конечно, направляющую и руководящую роль всегда играл директор. Но я непосредственно вел строительство, занимался заготовкой и переработкой леса и решал остальные хозяйственные дела. На первых порах было непонимание его жесткой требовательности, неукоснительного и в срок выполнения его указаний. Но когда я сам стал директором промхоза (Чикойского промхоза в селе Красный Чикой – *прим.авт.*), то понял, что без дисциплины и порядка сложно руководить этой охотничьей вольницей. Думаю, что вашу семью многие помнят в селе, потому что она оставила большой след в жизни Черемхово...».

ЧЕРЕМХОВО

В детстве нас с братьями затрагивало то обстоятельство, что ни в Атласе СССР, ни в Атласе мира, ни даже на больших картах, которые имелись в школе, не было обозначено наше село Черемхово.

Некоторым утешением этому было то, что курорт Ямаровка, от которого наше Черемхово находилось всего в десяти километрах, на картах мы находили. Дети работников этой Всесоюзной здравницы учились в нашей школе. Именно сюда за двести пятьдесят километров от железной дороги из города Петровска-Забайкальского курсировал автобус, которым ездили отдыхающие и мы – местные жители.

Постепенно мы свыклись с этим. И даже много позже, разъясняя кому-либо о местоположении Черемхово поясняли, что оно находится недалеко от курорта Ямаровка.

Правда, у отца, директора промхоза, в кабинете висела большая и более подробная карта нашего района, где было обозначено Черемхово, а также куда еще более мелкие населенные пункты и даже охотничьи заимки. Но эту карту я сам видел всего лишь несколько раз, и она не могла быть предметом, так сказать, широкого пользования.

В энциклопедии, имевшейся в домашней библиотеке, села Черемхово тоже не значилось. Но был город Черемхово в Иркутской области. А когда я сдавал

вступительный экзамен по физике в Иркутский политехнический институт, экзаменатор узнав, что я из Черемхово, спросил: «Кто преподавал у Вас в школе физику?» Услышав незнакомую ему фамилию – замолчал. По-видимому, он имел какое-то отношение к этому городу Черемхово.

В этом шахтерском городе Черемхово позднее я бывал не один раз. Но, нисколько не собираясь обидеть его жителей, скажу, что даже своим названием он не напоминал мне родного села. Его название звучало для меня как-то по-другому.

И в Улетовском районе нашей Читинской области есть тоже село Черемхово. Но, к сожалению, у нас как-то не было никакой информации об этом селе. И за эти годы я к этому так ничего и не добавил.

В то время бытовало обидное слово «де-рев-ня», производимое свысока и как бы подчеркивающее превосходство всего городского.

И нам всем хотелось быстрее вырваться из села в другую такую интересную как нам казалось по кинофильмам и книгам жизнь.

Теперь с годами понимаешь, сколь наивными были наши представления и какими иллюзиями мы себя питали.

Но в то же время, оглядываясь назад, понимаешь, что этот юношеский порыв делал и доброе дело. Он заставлял всех нас учиться, овладевать профессиями и находить свое место в жизни. Об этом часто говорили и моя мама, и наши учителя.

И хотя мы и стеснялись того, что мы «из села Черемхово», но в спорах со сверстниками мы яростно доказывали, что мы не хуже других, в том числе и городских.

...И вот я уже объездил немалую часть нашей страны – бывал на Дальнем Востоке, на Севере, в Средней Азии, на Черноморском побережье, на Каспии, в Прибалтике и Белоруссии, на Украине, в Молдавии и многих других прекрасных

уголках и закоулках нашей большей Родины, которую мы все вместе с гордостью раньше называли СССР.

Удалось побывать в более двадцати странах мира и на разных континентах, искупаться во многих морях и океанах, посмотреть ряд «чудес света» и многие другие достопримечательности...

Но вот с годами, по-прежнему, почему-то это наше село – Черемхово, наша «малая Родина», утопающая по весне в белых зарослях цветущей черемухи, становится все роднее и милее, и сюда тянет и тянет, хотя его по-прежнему нет ни в одном географическом атласе страны...

ТЕТЯ ПОЛЯ

М

ы всегда ее звали «тетя Поля». И хотя перед нашей поездкой в Черемхово мама несколько раз напомнила мне, что, наверное, удобнее было бы ее звать Полина Федоровна, я при встрече и в этот раз обнимал и шептал ей «Тетя Поля!».

Святой человек Васильева Полина Федоровна – вдова солдата страшной войны, оставившей ее с сыном одну, так и не дав ей времени побыть женой. Именно к ней так подходят слова известной песни: «Шинели не носила, под пулями не шла. Она лишь только мужа – народу отдала...».

В то лето 1951 года, маме, выпускнице Читинского пединститута, выделили для жилья старый домик напротив такого же старенького домика тети Поли. Так начались соседские отношения, которые переросли в крепкую дружбу.

Люди после тяжелейшей и кровавой войны, оставившей сиротами более половины села, жили нелегко, бедновато, но с огромным желанием трудиться и надеждой сделать жизнь лучше, вывести в люди своих детей и внуков.

Тетя Поля угощала нас с бабушкой и братьями, когда мы иногда в воскресенье приходили к ней в гости, незабываемым лакомством – «паренками». Она их готовила в русской печи из брюквы, и они были слаще конфет, которых в те годы было еще очень мало.

А еще у нее были вкусные наваристые деревенские щи. Мы с братьями и бабушкой располагались рядом в ее тесной, но всегда чистой, с добела начищенными голиком с дресвой некрашеными полами избенке и

ели их деревянными ложками из небольших мисок.

Наша бабушка, Серафима Никифоровна, и тетя Поля подружились с первых дней. И хоть немного позже мы перебрались жить в другой дом – на территории школы – «поход» в гости к тете Поле для нас всегда был уже сам по себе подарком и праздником.

В тете Поле, как и в нашей бабушке, всегда были безграничная сила духа, народная мудрость, огромное трудолюбие и доброта к людям.

Тетя Поля заскакивала на лошадь и верхом ехала по деревне на покос, на уборку хлеба, за ягодой и грибами.

Всю свою жизнь она проработала в колхозе. Зарабатывала, как она говорила, «палочки» – трудовни. Вела свое домашнее хозяйство, которое выручало, как всех, и ее семью. Вырастила и воспитала прекрасного сына.

После службы на подводной лодке он, красавец-моряк, подарил нам с братьями свою самую ценную реликвию – бескозырку, которую мы по очереди иногда, но очень бережно одевали. И нам слышались и снились всплески морских волн, корабли и мачты, которых мы тогда еще не видали.

Позднее, когда у Василия Герасимовича появилось свое пополнение, мы с благодарностью вернули эту морскую реликвию – бескозырку в их гостеприимную семью...

Сейчас мы все больше понимаем, что и тетя Поля, а особенно наша бабушка, воспитывающая и растившая нас в большей степени (из-за загруженности родителей работой), являлись и являются для нас кладезем народной мудрости и бесценного жизненного опыта.

Бабушка не имела никакого образования, не умела читать и писать, но многие ее звали шутя «генералом», а все ее советы и пожелания оказывались верными и выполнимыми.

И многое, не замечая, мы, конечно, почерпнули для себя именно тогда, в те годы жизни в Черемхово. И эта неразрывная связующая нить поколений, духа народа и его самобытной культуры, к счастью, сопровождает нас всю жизнь.

ВОЙНА, ПОБЕДА И ПОБЕДИТЕЛИ

от и отгремел праздничный салют уже 60-летия Великой Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Празднование этого юбилейного года прошло очень хорошо и здорово.

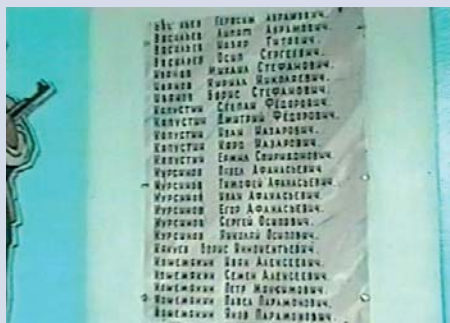
Жаль, что только все меньше и меньше остается тех, кто эту Победу завоевал, выковал, обеспечил.

Цифра «60» очень велика. Нам, ровесникам Победы, она напоминает не только те грозные годы, но и наш возраст. С детства, с каждым Днем Победы, мы как бы выросли еще на один год. И вот уже дотянулись, или как я дотягиваемся, уже до цифры «60»!

И чем дальше отходим от этой даты, то все более и более осознаем, какими нечеловеческими усилиями людей, всего народа – на фронте и в тылу – одержана эта Великая Победа!

С детства я помню страдания людей после войны, безруких, безногих и искалеченных войной **фронтовиков**, так их тогда называли. **Ветеранами** их стали называть уже немного позже.

А в те годы, как мне помнится, они не очень охотно вспоминали о войне. Слишком свежи, по-видимому, были раны, боли и тяжелые воспо-

минания об этом суровом и жестоком деле, каким является война, пусть даже она и являлась справедливой. Но справедливой и «за правое дело» – это в целом для народа и государства. А боль и неисчислимые потери – это для каждого человека в отдельности. И все это вместе, к сожалению, и составляет одно целое – войну и ее последствия.

И о своих «геройствах и подвигах» фронтовики тоже не очень то рассказывали. Помню, что отец в детстве рассказал только два случая. Один – это как он чуть не подорвался на mine, за несколько секунд до взрыва соскочив с подножки автомашины. Второй – как его ранило при артобстреле и он очнулся уже в госпитале. А за что он получал ордена и медали – это он стал рассказывать уже позднее, где-то к 30-летию Победы.

В школу и в наши классы учителя приглашали некоторых фронтовиков и инвалидов войны. И они тоже неохотно говорили о днях войны, как будто из них вытягивали эти страшные воспоминания. Да, наверное, они и не хотели поведывать нам, детям всю суровость и жестокость войны. А «газетный героизм» им был не по душе, ведь они были «рядовыми» войны, а не журналистами.

Помнится, что многие из них долгие годы ходили в военной форме без погон. И не из бравады или щегольства какого-то. А просто: в тяжелое послевоенное время люди жили бедно, и у многих действительно это была лучшая или даже единственная одежда.

И особых знаков внимания, льгот и почета они не получали, да они этого и не требовали и даже стеснялись всего подобного. Главной наградой для них, по-видимому, было то, что они **пришли с войны живыми!** Более точно эти их чувства выразил поэт-фронтовик Александр Трифонович Твардовский, сказав: «...Я знаю, никакой моей вины в том, что другие не пришли с войны, ...»¹.

¹ Прим.: Твардовский А.Т. Василий Теркин. Теркин на том свете. Стихотворения. – М.: Изд-во ЭКСМО, 2004. – С. 336.

...И только время постепенно залечивало глубокие раны войны.

...9 мая 1982 года в Центральном Парке имени М.Горького в Москве мы с родителями, приехавшими к Первомайским праздникам к нам в гости из г.Борзи, нашли адрес и телефоны однополчан отца. И уже на следующий день у нас дома, в московской квартире, сидели рядом и пели свою фронтовую песню два командира саперных взводов третьего батальона ударной штурмовой комсомольской Резерва Верховного Главнокомандования инженерно-саперной бригады – первого – мой отец – Воронов Василий Георгиевич и третьего – Малько Михаил Николаевич.

– «Закури, дорогой, закури.
Ты сегодня до самой зари
Не приляжешь, уйдешь ты опять
В ночь глухую врага штурмовать...».

Оказывается, после тяжелого ранения отца многие однополчане посчитали его погибшим. И когда в 1965 году выш-

ла книга «Боевая комсомольская» об их инженерно-саперной бригаде, то, кто что из живых участников тех событий вспомнил, то в ней и написали. А об отце – ни строчки. Потом уже, когда после этой встречи нашли эту толстую книгу и он ее «проштудировал», то написал авторам свои дополнения. Однако, второе издание книги осуществить так и не удалось.

Но зато были: замечательные встречи в Москве и на Азовском море, где собирались ветераны бригады, награды и приветствия ЦК ВЛКСМ, проникновенные и теплые письма. Пусть все это было с опозданием на целых тридцать восемь лет – но, к счастью, это все произошло.

И уже позже, я вспомнил, что еще в студенческие годы эта книга «Боевая комсомольская» попадалась мне на глаза на книжных полках и в библиотеке военной кафедры института, где нас учили тоже на командиров саперных взводов. Но как-то я не смог и даже не посмел связать ее и воспоминания отца вместе. ...Так мало он тогда рассказывал о войне. Да и некогда им было это делать – надо было тру-

диться – восстанавливать страну, экономику, ставить на ноги детей, создавать материальную базу для «светлого будущего»...

Просматриваю в очередной раз старые фотографии со встреч отца и его однополчан, читаю его записи и воспоминания, газетные вырезки о нем, дневники его фронтового товарища и письма-треугольники с фронта с отметкой полевой почты, припоминаю вообще все слышанное о войне от отца, мамы, бабушки, дяди Марка, воевавшего на Карельском фронте, дяди Тимы, прошедшего войну от лейтенанта до капитана-командира стрелкового батальона и недавно приезжавшего в Москву на 60-летие Парада Победы, от многих других людей и воевавших, и работающих в тылу на трудовом фронте, и бывших в плену и в оккупации... – и думаю, думаю, думаю...

Праздник Победы вначале отмечали сами победители. Затем подросли мы – дети победителей – и стали отмечать праздник вместе с ними. Теперь, к сожалению, все чаще и чаще мы отмечаем этот праздник уже без них – без самих победителей. Но нам надо не забывать эту прекрасную традицию и нам необходимо беречь и хранить светлую память об этой Великой Победе.

Да, непомерно велика цена Победы! И хочется верить и надеяться, что никаким силам не удастся одолеть наш народ и наших людей, которые вынесли неимоверные муки, тяготы и лишения ради жизни грядущих поколений!...

Май-июнь 2005 г., Москва-Поваровка

ЗАТЯГИВАЕМОЕ РАССТАВАНИЕ

имой мы только и ждем, как бы скорее поехать в Пустошку, к ставшими нам своими людям, пчелам, полям, лесам и лугам.

Получив к Новому году очередное письмо из Пустошки от Лидии Филимоновны и Зинаиды Павловны, наших соседок по деревне, читаю, что «...все замело по самые окна, а дорогу в деревню теперь никто не расчищает, и автолавка с товарами и продуктами не ездит...». Тоскли-во!

Представляю, как они, наши соседки, ходят по очереди в гости друг к другу, протапывая редкую стезю в глубоком снегу, топят печки, носят из колодца воду, ухаживают за скотом, курицами, собакой, кошками. И так проходит день, затем месяц, еще и еще месяц... Но вот уже солнце стало светить по-весеннему, побежали ручьи, пора выносить наших пчел из холодного сарая на свежий воздух и на солнышко. ...А вот и мы снова едем своей «колхозно-городской бригадой», и жизнь в Пустошке становится снова интереснее и веселее...

А все началось с покупки дома в 1992 году, после «обвала всего и вся». Вообще-то о даче или доме в деревне мы с женой мечтали давно, сразу же после переезда в Москву. Но пока была возможность в отпуск ез-

дить летом в санаторий – решение этой проблемы отодвигалось и отодвигалось.

Но настало время решать и эту проблему. И после долгих поисков нам удалось купить старенький дом в деревне, но так далеко, что было даже неудобно об этом говорить своим знакомым – за триста километров от Москвы, в Тверской области.

Но для нас в то время и это было хорошо. И мы, не жалея сил, принялись ремонтировать дом, обустраивать усадьбу, строить баню, разводить огород, садить картошку и делать другие деревенские дела.

Поскольку всем этим после детства во время жизни по разным городам нам заниматься не приходилось, то, соскучившись по деревенской работе, мы с энтузиазмом делали все. И все это напоминало детские годы.

Поначалу, проснувшись под песню соседского петуха и выйдя на крыльцо, я глазами искал горы и сопки. У нас в забайкальской деревне Черемхово они с одной стороны дома были почти рядом (деревня стояла вдоль склонов этих гор и сопки), а если взглянуть по другую сторону дома, то горы синели вдаль, за рекой и ее долиной.

Здесь же в Пустошке, на тверской, как говорят, исконно русской земле, гор никогда и не было.

И эту аналогию с Черемхово я ловил и ловлю в Пустошке постоянно. Мама даже однажды сказала, что мы и дом-то там, наверное, купили из-за тоски по родной деревне. Может быть и так, поскольку деревенский быт и труд нам всем в радость.

Здесь, в Пустошке, мы усиленно занялись «сельскохозяйственными работами». Будто какой-то долг чувствовали перед нашей деревней. Конечно, деревня была у каждого из нас своя. Та, которую мы в свое время оставили и переехали в город. Несомненно, что в городе жить комфортнее, да и перспективнее в любом смысле слова, чем в деревне. Но

где-то в глубине души все равно и стыдно и жалко, что как бы предали деревню, совершили своего рода бегство от тяжелого деревенского труда и деревенских условий жизни. Погнались за получением образования и за цивилизацией. А цивилизация отплачивает теперь нам другим «товаром» – ухудшением здоровья, нервным истощением, утратой духовных и нравственных ценностей и многими, многими другими нехорошими «штуковинами».

А здесь, работая на своем приусадебном участке, ощущаешь себя как бы хозяином земли, землепашцем, от усилий которого зависит не только благополучие твоей семьи, твоей деревни, но и страны в целом.

Поначалу соседи по деревне присматривались к нам, как, мол, городские себя покажут в труде на земле, не лодыри ли? Но вскоре все убедились, что большинство деревенских дел для нас было ранее знакомо. А чего не знали, то не стыдились спрашивать и осваивать.

С первого лета в Пустошке мы развернулись почти как колхозная бригада. И земля, будучи несколько лет заброшенная и в то же время отдохнувшая, да еще хорошо удобренная навозом, дала прекрасный урожай.

Посадили немало картошки и собрали ее осенью почти восемьдесят мешков. Не знали, куда девать – раздавали всем вплоть до следующего лета. Вырастили огурцы, помидоры и много других овощей и ягод. Собирали в лесу чернику, малину и насолили много грибов.

Кроме этого, сделали ремонт дома и сарая, обустроили усадьбу, построили свою баню и теплицу. Большую помощь нам оказывали многие наши новые односельчане.

В первые летние сезоны в Пустошке вокруг дома вовсю гудели трактора и работа: пахали поля, сеяли и убирали овес, рожь и лен, скатывали в валки сено, заготавливали силос, паслось стадо телят. Ранним утром в ярких лучах солнца мы часто любовались голубым полем льна. И весь ритм совхозных сельскохозяйственных работ неожиданно передавался и нам.

А совхозные руководители Артемьев Александр Николаевич и Демин Владимир Владимирович всячески еще подталкивали нас на выращивание поросят и телят. Были еще предложения по выращиванию кур, уток и разведению рыбы в пруду.

А еще в Пустошке мы приобрели свой сепаратор и гнали на нем сливки. Молоко покупали у соседей – первые годы коров в деревне было еще достаточно. Попросили у соседей даже маслобойку – емкость для сбивания масла. И получили настоящее, пахнущее коровой, а не всякими там добавками и консервантами деревенское сливочное масло.

Так что особенно отдыхать было некогда. Да и деревенский труд после стольких лет «городского отдыха» шел как-то «в охотку».

Но год за годом стали понимать, что замахнулись на слишком уж большие, да и ненужные по численности нашей семьи объемы работ.

Стали по-немногу убавлять темпы. При этом оглядывались на деревенских – как бы не застыдили и не назвали лентяями, которых много сейчас стало празднo прохлаждаться и в деревнях и на дачах. А соседи по деревне сами

глядели на наш труд и думали: «Неужто они себе в городе не заработают на эту же самую картошку и другие, с таким трудом выращиваемые, да еще на такое большое расстояние перевозимые, овощи?»

Особенно долго тянулось с уменьшением «посевных площадей» под картошку. В первый год посадили ее больше десяти соток. На другой год трактористы припахали еще от луга несколько соток. Копали картофель картофелекопалкой, предварительно скосив и собрав прижухлую, а иногда в некоторые годы еще и зеленую ботву. Соседи по деревне тоже помогали собирать в «гурт» картофель после того, как картофелекопалка высыпала по всему полю сверкающую и крупную картошку. Затем шла подсушка ее на солнце, отбор на семена, на «еду», «соседским пороссятам» и т.п. Ссыпали в мешки, укрывали часть на зиму в подполье, увозили на тележке-прицепе в Москву, ссыпали в подвал гаража. Как-то подсчитали, что каждая картофелина, чтобы попасть к нам на стол, проходила через наши руки, наверное, более десяти раз. А съедали мы за зиму всего пять-шесть мешков. Остальное раздавали, и так вот весь урожай и наши труды «расходились».

Под ежегодной критикой жены, постепенно уменьшали «картофельный клин» и довели его до нескольких рядков около дома.

Все это время как и у многих деревенских, надо мной подспудно висело утверждение: «И на одной картошке в трудную зиму как-нибудь да проживем...». И вообще картошка действительно сидит в наших головах с детства, как свидетельство благополучия деревенского дома и основной, как и хлеб, продукт питания.

Поэтому каждый год на каком-то подсознательном чувстве, наверное, мы с таким упорством все выращивали и выращивали такое большое количество картофеля.

И только позднее, во время очередной поездки в Япо-

нию, я узнал, что у японских императоров тоже имеется подобная традиция. Когда-то Японию постиг страшный голод. И после этого все, в том числе и императорская семья, стали в обязательном порядке выращивать определенное количество риса. И даже сегодня в такой богатой Японии император ежегодно выращивает несколько «чеков» риса, следуя этой доброй традиции и помня, что рис является основным продуктом питания японцев...

Так и мы все никак не расставались с картошкой в Пустошке...

Но Пустошка для нас – не только добровольный «каторжный» труд. Это и прекрасные дни отдыха, походы за грибами, орехами и ягодами, поездки на рыбалку, купания в речке и многое, многое другое.

Незабываемы встречи у нас за столом с нашими соседями и друзьями. Эти разговоры и пение народных песен мы часто включаем на видеокассете тихими зимними вечерами в Москве.

А какими письмами и поздравлениями мы обмениваемся. Не каждый родственник сегодня так пишет друг другу, как это получается у нас. Потому что все это идет из глубины души и сердца, все это является частью нашей повседневной жизни.

...В Пустошке же вместе с домом, как бы «в наследство» нам достались несколько ульев пчел. Поначалу, вынеся их из дома, мы думали, что они «погибшие», то есть не выдержавшие зимовку в доме, который мы приобрели.

Однако несколько позже, пробегая мимо них в горячие для нас «денечки» по ремонту дома и освоению участка, заметили активность пчел возле ульев. С помощью соседей собрали из оставшихся рамок две пчелиные семьи и к концу августа накачали аж восемь литров меда. Радости не было предела – свой мед! И хотя пять литров оставили на подкормку пчел весной, но зато оставшимися тремя литрами

меда угощали себя, гостей и даже родителям в Иркутск переправили маленькую баночку «своего меда».

Вообще-то никогда в жизни я и не думал, что стану **пчеловодом**.

В детстве, когда с родителями и бабушкой мы с братьями жили в далеком забайкальском селе, про пчеловодство я только слышал, как говорят, краем уха.

Мама, во время поездки в районный центр покупала раз в год у дочери одного пчеловода трехлитровую банку меда. Этот мед берегли как «зеницу ока» и использовали только для лечения при простуде и гриппе. С этих пор в мое сознание запало уважение к меду. Несколько позже в магазинах стали появляться небольшие баночки меда «таежного» или «лесного». Он всегда в отличии от меда из трехлитровой банки был жидким и казался, а может и на самом деле был, не очень натуральным.

Еще я помню, что у нас в школе, на чердаке, откуда-то взялись сотовые рамки с остатками воска на них. А кто-то из ребят постарше сказал, что его полезно жевать. И мы соскабливали кусочки этого старого воска с рамок и жевали. Нам это не очень нравилось, но раз говорили, что это полезно, значит надо было жевать!

И вот, когда я у своих пчел и не сразу, а только через несколько лет, стал жевать сотовый мед – я вспомнил вкус того забайкальского воска. И понял, что, конечно, тот воск был, по-видимому, очень старым, без меда, и оттого не таким вкусным.

...Главным советчиком, консультантом и помощником по «пчелиным

делам» была Дарья Афанасьевна Иванова, соседка – «старейшина» деревни, тоже державшая пчел. Долго и много раз она твердила мне: «Васильич, займись пчелами – это дело мужское». Но таких мужских дел у нас тогда было, как говорят, «хоть пруд пруди», а времени на все не хватало.

Но поскольку пчелы уже стояли во дворе, то пришлось нам с женой Ларисой заняться и ими. Бегло прочитал и пролистал любезно предложенные Дарьей Афанасьевной книги о пчелах. А больше старался слушать и запоминать все, что она говорила и рассказывала о них. Оказалось, что это целый мир, незнакомый до этого мне!

Главную заповедь пчеловода я усвоил быстро – терпеть укусы пчел и привыкать к этому. Так, что с укусами пчел ходили не только я, но и все мои члены семьи. Несмотря на это, они активно помогали – сшили сетки, натягивали проволоку в рамки и вощину, готовили гнилушки для дыма, крутили медогонку и тому подобное. Соседи помогли первый год с пчеловодческим инвентарем.

В конце сентября мы с женой укрыли пчел в сарае различными теплыми дорожками и мешками. Но, к сожалению, когда в конце марта специально ради пчел приехали, то обнаружили, что они не смогли перезимовать... Что с ними случилось, мы так и не определили – опыта было еще мало.

Но решили это дело продолжить. И жена в павильоне «Пчеловодство» на ВДНХ приобрела несколько пакетов пчел, привезенных с юга. Доставили их в Пустошку и, как написано в книгах, разместили в ульях. Но лето было очень дождливое, да к тому же позднее обнаружили, что в ульях отсутствуют матки или они погибли по каким-либо причинам.

Жена договорилась и приобрела, там же на ВДНХ, коробочки с матками. Опять же строго по советам из книг посадили маток к пчелам. Но в дождливое лето пчелы так и не

смогли достаточно развиваться. О меде для себя мы и не мечтали. Подкормили их сахарным сиропом, а они снова не смогли перезимовать...

На следующую весну решили купить целый улей с пчелами в соседней деревне Рогалево. Привезли его поздно, к ночи. Выставили из машины, закрыли летки, «все как учили» и написано в книгах. А к обеду открыли летки и дали им возможность начать жить у нас около дома.

В первое же лето Валентина Ивановна Корнилова и Иннокентий Михайлович Крылов, мои теща и тесть, которые каждое лето жили в Пустошке, сумели поймать вылетевший из улья рой. Стало уже две пчелиных семьи. Они нам дали немного меда, успешно прозимовали и весной стали снова развиваться.

К ним мы прикупили еще один улей пчел там же, в деревне Рогалево. А к концу лета у нас уже было пять пчелиных семей – рои продолжали вылетать, а тесть и теща их ловили. Так что работы хватало всем.

С этого времени пчелами стали заниматься все, в том числе и сын Владислав, и все более и более основательно осваивали все новые и новые тонкости этого сложного дела. Приобретали и читали книги о пчелах, выискивали статьи о пчеловодстве в разных журналах и газетах, сделали «фирменную» этикетку для наклеивания на банки с медом – презенты; даже вручали родственникам, друзьям и коллегам банки с этикетками забруса, т.е. восковых крышечек с запечатанных сот, которые очень помогают при заболеваниях горла.

Возникли свои традиции. Так мед старались откачивать только зрелый – запечатанный. Делали это два раза: в июле и в конце августа – после медового спаса. Обычно это совпадало с днем рождения мамы. Так что, поздравляя ее, радовались очередному, уже нового сезона, успешному «медогону» и «благодарили пчелок и всех, кто им помогал в их тяжелом труде».

Появилась определенная гордость от причастности к профессии пчеловода. Ведь еще с древности и мед, и воск, и пасека были в почете на Руси. И как приятно ощущать свою причастность к этому благородному делу и угощать медом со своей,

ей, пусть хоть и всего в несколько ульев, пасеки. С радостью помогаем людям при лечении каких-либо болезней. Ведь мы неустанно всем повторяем, что мед – сам по себе уже достаточно эффективное лекарственное средство. Своих родственников в Иркутске и Шелехове, и в Краснокаменске Читинской области мы тоже «снабжали» нашим медом.

Бывало, конечно, всякое: болезненные укусы пчел, недовольство соседей, которых беспокоили наши пчелы, простая человеческая зависть, что у нас, городских это получилось, а у кого-то – нет... Появлялось порою даже желание отказаться от пчел и отдать их кому-нибудь...

Но никто брать пчел не хотел. Возникающие напряженные отношения как-то постепенно урегулировались, и наши занятия пчеловодством снова продолжались. А Дарья Афанасьевна всячески поддерживала наши ею самой инспирированные пчеловодческие заботы и постоянно говорила всем, что укусы пчел только на пользу человеку и его здоровью.

...Переломным моментом стала постройка нашей дачи в Поваровке. Тесть и теща не стали каждое лето ездить в Пустошку, а стали жить там. Пришлось решать, что делать с пчелами...

И неожиданно Лыкашovy, Лидия Филимоновна и Зинаида Павловна (жены братьев), наши оставшиеся немногочис-

ленные соседи по деревне, согласились помогать в наше отсутствие ловить выходявшие рои. Хотя и своей работы у этих неутомимых тружениц хватает.

Так что расставаться с пчелами не пришлось. Мы с женой по-прежнему, периодически, начиная с весны и до осени, приезжали и «обрабатывали» ульи пчел, то есть делали, как и прежде, всю необходимую для них и для нас работу. А наши работающие соседки, которым исполнилось уже по семьдесят лет, стерегли и ловили рои в мае-июне. И как мы не старались с женой, каждый свой приезд вырывать в ульях маточки, роев было немало.

И ловить их нашим добрым соседкам где только не при-

ходилось: и на рябине, и на высокой осине, которую позднее спилили, и на заборах, и на черемухе, и с помощью лестницы, и с помощью шеста и подтащив целиком улей, и в бачок, и в роевню, как уж получалось.

Все это в подробностях выслушивалось нами при очередном приезде, а в закоулках ума появлялись даже мысли: может пчелы сами как-то изроятся, все «рассосется», и как будет – так и будет.

Каждую весну, слушая по телефону рассказ Владимира Владимировича о выносе пчел из сарая, я спрашивал: «Сколько живых пчелиных семей?». Однажды он сказал, что из шести семей пчел осталось только две. Было очень досадно. Но с другой стороны думалось, что будет облегчение труда наших соседок, да и нашего тоже. Ведь за двумя ульями гораздо легче ухаживать, чем за шестью или восьмью!

Но не тут-то было! В ближайшие же месяцы с помощью пойманных соседками роев количество ульев на нашей пасеке было снова восстановлено до шести. Пчелы никак не хотели нас отпускать. Да и соседки наши понимали, что мы теперь уж ездим в Пустошку – на такое дальнейшее расстояние, исключительно из-за пчел. А им, наверное, тоже хотелось, чтобы мы не расставались с Пустошкой!

И как я их не успокаивал и не говорил, что сколько роев поймаете, столько и хватит, что если и улетел рой, то и пусть летит – нам хватит тех пчел, которые останутся на нашей теперь уже совместной с соседями пасеке.

При этом следует заметить, что несколько ульев за эти годы мы еще перевезли на дачу в Поваровку, где тоже образовали небольшую пасеку. И все равно пчелы развивались и развивались, полей и лугов им хватало, соседи наши продолжали и продолжали ловить рои, я их за это благодарил и благодарил, и наше расставание с Пустошкой все затягивалось и затягивалось.

Пчелы словно чуяли все эти наши настроения. Они не отпускали нас, удерживали тем, что было необходимо приезжать их «обрабатывать». Они, спасая себя, свои пчелиные семьи, спасали и нашу пусть небольшую, но пасеку. Они являлись как бы одной из главных связующих нас с Пустошкой нитей.

...Но вот начало одного лета было очень холодное и дождливое. Пчелы не имели возможности летать за нектаром, мешали частые дожди и непогода. Они сильно роились. Было много роев. Не все шло гладко с их ловлей, было много укусов и тяжелого труда. И мои прекрасные соседки по деревне сказали: «Все, Васильевич! Сил наших становится, к сожалению, все меньше. На нас – старых «кочерг» – на будущее лето в ловле роев не рассчитывай. Мы помогали, как могли. Теперь думай сам, что делать с пчелами. Жалко, но не обессудь...».

И всю зиму я то и дело прикидывал, что делать, кому передать пчел. Уговаривал Демина В.В. заняться пчеловодством – ведь может быть выгодное дело. Тем более не на пустом месте – восемь пчелосемей, хороший инвентарь и прекрасные медоносные поля и луга. Никак не уговорил!

Продать. Кому? Как выяснилось, в районной газете полно таких объявлений.

Выручила Татьяна Николаевна Герасименко. Она в предыдущие годы уже два раза жила с нами летом в Пустошке, помогала и с пчелами. Она вызвалась вновь пожить там, но теперь уже одна, без нас, но, естественно, с нашими периодическими поездками и помощью.

И вот уже два лета она живет в Пустошке, занимается вместе с нашими соседками пчелами, огородом, грибами и ягодами. Освоила многие премудрости пчеловодства, искусно ловит рои и даже умудряется разделить каждый рой на несколько частей с тем, чтобы добиваться равного усиления всех пчелосемей на пасеке.

Она ведет дневник, который я назвал «Дневник восторга начинающего пчеловода».

...А пчелы и Пустошка продолжают жить. И мы, по-прежнему, ездим туда, правда, теперь уже более эпизодически. Сейчас мы уже помогаем Татьяне Николаевне в работе с пчелами и навещаем ставшую такой родной за эти годы Пустошку и ее прекрасных жителей.

Затянувшееся расставание продолжается...

...Очень жалко, что поля вокруг Пустошки и других близлежащих деревень все больше и больше зарастают берез-

няком и осинником, и на них мы уже собираем грибы. Совхоз на центральной усадьбе почти совсем развалился. Из пяти скотоводческих ферм у них лишь в одной осталось несколько десятков коров. Посевные площади убавились в пятнадцать раз по сравнению с советским временем.

В нашей Пустошке не осталось ни одной коровы и всего пять человек постоянных жителей. И только пчелам раздолье: на заросших полях и лугах цветет огромное количество медоносных сорняков и других растений, с которых они неустанно носят и носят нектар...

И теперь, как бы вновь, уже не в юности, а взрослыми людьми, мы расстаемся с деревней, со всем тем, что стало снова родным и близким, как в детстве.

И понимая необходимость этого и чувствуя неотвратимость происходящего, мы все отодвигаем и отодвигаем этот момент расставания, используя подсознательно различные, порою даже почти «детские» поводы и причины.

И пусть это **затягиваемое расставание** продолжится, и в жизни, и в сердце, и в душе каждого из нас. Оно дает нам дополнительный шанс, вселяет надежду, согревает своим деревенским теплом, светом, самобытностью, народной мудростью, а главное духовностью и осмысленностью всего происходящего на свете.

1992-2005 гг.

Москва-Пустошка-Поваровка

САМОЕ ЛУЧШЕЕ ВРЕМЯ...

Самое лучшее время – вечер в пятницу. Приезжаешь на дачу после нелегкой и, как правило, нервной и напряженной недельной работы. Вдохнешь прекрасного свежего чистого воздуха и как бы напьешься воды из деревенского родника.

Ощущаешь прилив сил. А все, что тяготило и давило всю неделю, как бы уходит куда-то вдаль. И важность всего этого все меркнет и меркнет по сравнению с целым мирозданием – прекрасной природой.

Тишина после постоянного московского шума обволакивает тебя, заставляет успокоиться и перейти на совершенно другой ритм – более плавный и размеренный.

В таком ритме, как я заметил, живут люди в деревнях, небольших поселках, городах – в глубинке.

И только в Москве мы всё бежим, бежим и бежим – спешим, спешим и спешим!..

... И вот я уже слышу пение птиц, шелест листвы и вижу закат над тихим прудом.

Вся эта благодать начинает проникать и в меня. Я становлюсь или хочу стать частью или хотя бы частицей этой благодати. Мне хочется быть чище и лучше. Мне уже даже хочется всех любить. А главное – впереди у меня – целых два выходных дня этой благодати!

Самое лучшее время – суббота на даче. Самочувствие после сна на свежем воздухе прекрасное. О московских делах и работе уже все или почти все забыто. Хочется поработать с пчелами или в саду, хочется искупаться в пруду и хо-

чется попариться в простой деревенской баньке. И все это теперь возможно – поскольку в предыдущие годы в строительство и обустройство дачи было вложено столько сил и нервов! Так что не грех и немного отдохнуть – попользоваться созданными для себя и близких жизненными благами и удобствами!

...Запах топящейся бани разносится повсюду. Дым из трубы идет строго вверх – значит по народной примете, к хорошей и ясной погоде !

Баня сложена из осиновых бревен. И хотя они в первые же недели после постройки потемнели, но банный запах дают настоящий, деревенский.

Топка бани – целое искусство. Лучше, если дрова березовые – от них дух в бане хороший и жар большой.

Кружка охлажденного в тазике с холодной водой пива и размеренный разговор в предбаннике – тоже неперенные атрибуты «банной процедуры».

И после такой бани как бы заново рождаешься и светлеешь душой.

И никаких тебе забот и срочных дел.

Только покой и тихий ужин со своими домашними – близкими тебе людьми.

Душа и тело отдыхают и наполняются благодатью...

Самое лучшее время – когда все живы и здоровы. И надо радоваться этим прекрасным мгновениям жизни... Кстати, отдельные мгновения – на фотографиях в книге...

Вот нынче к нам из Иркутска, через восемнадцать лет после своей предыдущей поездки в Москву еще вместе с от-

цом, приехала мама. Долго собиралась, но «поддалась» нашим уговорам – и вот мы уже встречаем ее, брата и жену брата в аэропорту Домодедово.

Мо-лод-цы! Молодцы, что приехали. И вместе мы провели хоть и немного, но десять незабываемых дней. Это были долгожданные встречи. И уже не в Иркутске, не на Байкале, а у нас в Поваровке и Москве.

Неспешные разговоры, воспоминания, обмен впечатлениями об увиденном и услышанном. А главное, что мы вновь как и прежде были вместе, правда, в другом составе... Вместе отметили день рождения мамы, впервые у нас в Подмоскovie. Вместе объездили немало интересных мест в Москве и вокруг нее, побывали даже в верховьях Волги, на тверской земле. Нашли в Кремле березку, а скорее березы, поскольку их там несколько, недалеко от Спасской башни, о которой в 1966 г. так проникновенно написал любимый всеми нами А.Т.Твардовский.

И радость встреч и общения вселяют новые надежды и прибавляют желания жить и жить, и делать добро!

Самое лучшее время – когда работаешь с пчелами.

Мне и мысль раньше не приходила, что стану пчеловодом. Но вот по воле случая, а, может быть, так и должно было быть по судьбе, по жизни – мы стали с женой заниматься пчеловодством.

И теперь, как бы иногда трудно не было с пчелами работать, они доставляют нам радость и осознание своей приобщенности к их такой чудесной деятельности.

Когда наблюдаешь за ними, то замечаешь величайшую организованность и целеустремленность действий каждой пчелы.

Вот эта пчела стремительно вылетела из летка улья в поисках нектара. Она с большой скоростью улетает в определенном направлении в известное ей место, где имеются медоносные цветы.

А вот эта пчела тяжело, как самолет-бомбовоз, приземляется на леток, ползет по нему и спешит внутрь улья, чтобы «слить» или «сдать» набранный где-то нектар и другие, необходимые для приготовления меда в их пчелиной лаборатории, вещества.

А у этой пчелы на ее мохнатых лапках собрано большое количество пыльцы с разных растений и цветов, так называемая обножка. Теперь, добавив к этой пыльце ряд пчелиных ферментов и различных минеральных веществ, пчелы готовят пергу, корм для деток, молодых пчел, который в несколько раз ускоряет их рост.

А вот эта пчела-сторож или охранник у входа в улей. Она вместе с другими такими же сторожами зорко следит, чтобы в улей не залетела оса, шмель или чужая пчела не из своего улья. При этом чужую пчелу они опознают по какому-то признаку «свой-чужой», по-видимому, по запаху своей пчелиной семьи. Он у разных пчелосемей – разный, также, как и у людей и животных.

А многих других пчел мы не видим у летка. Их можно

увидеть лишь разбирая улей, естественно, при этом мы их тревожим, и они все или большинство их становятся защитниками своего дома-жилища.

Но если проявить аккуратность при осмотре улья, то можно увидеть многое. Вот пчелы до блеска чистят ячейки

сот — готовят их для посева туда яиц маткой. Она ведь не только проверяет чистоту ячеек, но и ежедневно сеет до тысячи яиц (в сильных семьях).

А на полу улья пчелы-

уборщицы всеми силами стараются выкатить через леток наружу желтые цилиндрики размером чуть ли не в половину их самих. Это они убирают теперь уже не нужную им, затвердевшую прошлогоднюю пергу, которую они с большим трудом вытащили из ячеек сот.

А эти пчелочки так часто машут крыльями, что создают подобно вертолету поток воздуха. Это они выпаривают из незрелого меда, уже уложенного в ячейки сот, излишнюю воду...

И эти наблюдения можно вести бесконечно. И всякий раз находишь в жизнедеятельности пчел что-то новое, доселе не виданное, но такое прекрасное своей созидательностью и неутомимостью.

Самое лучшее время – работа в деревне. Вообще-то, де-

ревенская работа трудна и утомительна. Недаром же столько людей от нее уехало в города. И очень редкий городской житель хочет снова вернуться в деревню и работать там с утра и до позднего вечера.

Но совсем другое дело, если ты в отпуске и в деревне, да еще никто – ни ты сам, ни кто другой – не ставят тебе задание – сделай столько-то и столько. Тогда совсем другое дело – все делается в охотку и не спеша.

Вспоминается все лучшее из детства. Трудности и проблемы жизни в деревне не вспоминаются, а вот хорошее помнится...

Как в детстве берешь косу, оселок и идешь... Нет не в луг и не в лес, как в детстве, косить небольшие поляны и неудобья вокруг полей. А выходишь за калитку своего дома в деревне – коси вдоль улицы, вся она заросла травой по пояс. Или коси вдоль огородов: тоже травы вдоволь, хватит не на одну корову.

Вот коров-то в деревне уже почти не осталось. Только у Виктора Ивановича Лыкашева с этой стороны деревни да у Валентины Кузнецовой с той стороны, за речкой.

...Приятно, когда коса по росе косит хорошо. Покос ложится ровно и объемно. Уж большая и густая нынче трава. Прошел десять-двенадцать метров – достаешь оселок, вытираешь травой полотно косы-литовки, как у нас ее называли в Забайкалье, и точишь по очереди с одной и другой стороны. Отдыхаешь, переводишь дух. Ведь нам городским такая физическая работа не под силу. Здесь меру знать надо. Да и охотку отбивать не надо сразу. А то после одного-двух прокосов больше и

не захочется косить. Ведь себе сено не нужно – все это отдается соседям по деревне. Жалко, что столько травы, прекраснейшего корма для коров, пропадает зря!

...Когда Виктор Иванович сгребаёт сено в копны, вызываюсь ему помочь. В коллективе в деревне всегда интереснее и азартнее работается. Можно перемолвиться словом. Вместе попить холодной воды из родника, бьющего в кустах, рядом с покосом.

А вот уж стоговать то сено надо действительно только коллективом – хотя бы втроем или вчетвером.

И как приятно видеть плоды своего труда: стоящие на скошенных и чисто убранных покосах копешки и стожки заготовленного на зиму такого зеленого и душистого сена...

А еще *самое лучшее время* – неспешный сбор грибов, а еще *самое лучшее время* – прогулка по солнечному осеннему лесу с тихим шуршанием опавших листьев, а еще *самое лучшее время* – катание на лыжах по свежей пороше, а еще..., а еще..., а еще...

И замечательно, что живя, мы можем восхищаться такими приятными и бесконечно дорогими минутами, часами и днями нашей жизни.

Пустошка-Москва-Поваровка

1997-2005 гг.

ОХОТНИЧЬЯ СТРАСТЬ

Иногда случается, что, идя на лыжах по подмосковному лесу в Поваровке или собирая грибы в Пустошке, вдруг слышишь, как где-то рядом из кустов с шумом и трепыханием крыльев взлетает крупная птица.

Это трепыхание крыльев возможной охотничьей добычи ни с чем невозможно спутать.

Сердце твое при этом вначале как бы обрывается и замирает, а затем начинает трепыхаться, как крылья взлетевшей птицы, и учащенно колотится от неожиданно нахлынувшего охотничьего азарта.

Так в детстве иногда прямо из снега, в который они зарывались в холодные ночи, взлетали у нас почти из-под ног косачи, тетерки и рябчики.

Они садились на деревья, а при нашем приближении улетали куда-нибудь дальше, в другой облюбованный ими уголок бескрайней забайкальской тайги. Чаще всего туда, где можно было им добыть замерзшую бруснику, какую другую ягоду или березовые почки.

Мой брат даже сделал самодельный арбалет со стрелами для охоты на косачей. Однако ни разу эти чуткие птицы не подпустили нас на расстояние меткого выстрела из этого

арбалета.

И даже позже, когда родители купили нам настоящее охотничье ружье – предмет наших мечтаний, приблизиться к косачам на уверенный выстрел было очень непросто.

Уже будучи студентом, я приезжал к родителям в город Борзю, и мы ездили с отцом и братьями на утиную охоту.

Охотничьему восторгу не было предела, хотя побегать и попотеть за каждой добытой уткой приходилось изрядно.

Вот так и охотники-промысловики, как их зовут в наших таежных забайкальских селах, подолгу, иногда по пояс в снегу десятки километров идут с собакой-лайкой по следу красавца-соболя. Хорошо, если все это заканчивается успешно, и, вернувшись в зимовье, им можно с удовлетворением хлебнуть из котелка крепкого «наваристого» чая...

Тот, кто знает это не понаслышке, способен воистину оценить и уважать тяжелейший труд, страсть и азарт настоящего охотника.

ЗАДЕРЖАВШАЯСЯ ОСЕНЬ

В

этом году зима как бы не торопилась наступать. Очень долго по сравнению с ранешними годами стояла осень. Достаточно теплая. Даже в первых числах ноября еще собирали грибы. Заморозков было мало. Цветы радовали глаз своей красо-

той. Трава не была еще пожухлой. Газоны и лужайки зеленели под лучами осеннего солнца. Часто выдавались ясные, солнечные дни. Небо было голубое и бесконечно глубокое. Вода в пруду стояла светлая и прозрачная. На большой глубине были видны камешки, песчинки и редкие – уже не такие шустрые, как летом, мелкие рыбешки. Листья с деревьев облетала медленно, как бы неохотно. Лес постепенно оголялся, и сквозь него все дальше и дальше были видны луга и поля.

По деревьям быстро бегали и прыгали белочки, выглядевшие такими совершенными созданиями природы, что взгляд было невозможно оторвать от них. Перескакивая с ветки на ветку, прячась друг от друга за стволами елей, играя и поддразнивая, они создавали такой дух жизни и активной деятельности, что ни о каком погружении в зимнюю спячку не могло быть и речи.

Пчелы также чувствовали затяжную и теплую осень. В сентябре у них неоднократно выходила детка. Они активно летали, используя каждый день или да-

же часть дня при хорошей погоде. Несли в свои улья пыльцу и, с трудом найденный и добытый при малом количестве осенних цветов, нектар.

Внутри улья они замазывали прополисом все щелки и отверстия, готовясь к холодной зиме. В холодные ночи собирались в «клуб», но днем с потеплением и солнечными лучами вновь устремлялись на волю в поисках необходимых для зимы запасов.

Но вот уже оголились стройные березы. Под ногами, в лесу все шумнее стал ворох листвы, такой разноцветной и яркой, что отыскать среди нее какой-либо гриб становилось все труднее. А летом, поскольку оно было жарким, грибов не было совсем. И, как бы компенсируя это, они стали появляться после редких нынче даже и осенью дождей.

Конечно, и по количеству и видам сбор грибов был не только «не очень», а даже «очень слабым». Но грибников радовало и это. Ведь каждый гриб доставляет такую ма-

ленькую тихую радость, которую не заменишь ничем другим.

Несколько раз доходило до мокрого снега. Дня два он даже покрывал землю, но при очередном потеплении быстро таял, и осень продолжалась...

И почти как у великого Александра Сергеевича Пушкина в пятой главе его романа в стихах «Евгений Онегин» «Снег выпал только в январе...»¹ – снег выпал в декабре и уже надолго – на всю зиму...

Снег шел тихо. Снежинка за снежинкой, почти вертикально опускаясь с небес. Ветра не было. Снег ровно-ровно покрывал всю землю пушистым покрывалом и на его белом фоне еще ярче и выразительнее выделялась зелень осенних цветов и вечно зеленых елей и сосен.

Наступала зима, которую так боится все живое, и испуг перед которой также сидит где-то, наверное, глубоко в генах у каждого из нас...

Декабрь 2001 г.

Поваровка

¹ Пушкин А.С. Евгений Онегин; Драмы, поэмы, сказки. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»; Харьков: Фолио, 1999. – С.82.

ЗВУКИ ТИШИНЫ

Человек, живущий в городе, настолько привыкает к постоянным шумам машин, поездов, трамваев, что зачастую и не обращает внимания на эти звуки.

Уровень его слуха становится повышенным, и он не слышит отдельных звуков.

Но стоит этому же человеку оказаться на природе, в тишине, как у него просыпается тонкое восприятие самых незначительных звуков.

Вот у нас в деревне Пустошка от тишины по ночам аж звенит в ушах...

Кузнечик стрекочет в хорошую погоду с раннего утра до глубокой ночи и, кажется, даже и ночью...

Если в дом залетел комар, то его писк долго не дает уснуть.

Птицы начинают летом петь с первыми лучами солнца. И их пение настолько многообразно, что порою может даже, наверное, заменить некоторый симфонический оркестр.

Зимой, конечно, таких звуков меньше.

Но послушайте, как красиво скрипит под вашими ногами снег. Здесь целая палитра звуков. В морозный день или еще более морозной ночью снег скрипит особенно трескуче.

Звук как бы раскатывается по морозному воздуху и, отражаясь в найденных преградах, еще более трескучим эхом возвращается к вам под ноги.

Совсем по иному скрипит под ногами свежевыпавший и падающий тихо на землю снег. Эти звуки уже не трескучи и не раскатисты, а достаточно приглушенные и как бы сдвинутые – как сам снег.

По-другому скрипит и весенний снег. В нем уже появились кристаллики льда, и они, ломаясь под ногами и задевая друг друга, производят своеобразное шуршание, отдаленно похожее на шуршание льдин и льдинок при ледоходе на реках...

А это – хрустальное журчание покрывающегося тонкой коркой льда ручья. Уже образовались забереги, и местами ручей полностью схватился льдом. Но не весь, и поток воды, вырвавшись со звоном из-под кромки льда на свободу, устремля-

ется вновь под лед, создавая еще более звонкое звучание, как бы омывая и ударяясь в ледяные сосульки, палочки и трубочки. И создается легкий перелив звуков, отдаленно напоминающий игру на клавесине или весеннюю капель...

А вот это уже опять весна и натруженное гудение пчел, возвращающихся нагруженными нектаром из полета в свои ульи. На лапках пчел белеет или желтеет «обножка» – пыльца, собранная ими с весенних цветов. Этот рабочий гул пчел такой созидающий и умиротворяющий, что заставляет вновь и вновь задуматься о великой гармонии мироздания и о том, что человек должен также жить в гармонии с Великой Природой Земли...

ЛЮБОВАНИЕ ЖАСМИНОМ

Н

ам очень повезло, что у нас на даче, вдоль дороги с обеих сторон, растут кусты жасмина.

Когда-то очень давно мы ехали в электричке из-за города. На одной из платформ в вагон вошла женщина с огромным букетом белых цветов. Я тогда не знал их название. А жена сказала, что это жасмин. Он был таким красивым, ароматным, и его запах разносился по всему вагону.

И вот где-то лет через пятнадцать после этого случая мы начали строить дачу в Поварово. И обнаружили, что рядом с нашим участком растет жасмин.

Вначале я не придавал этому большого значения. Но когда на следующий год увидел обсыпанные белым цветом светло-зеленые кусты и вдохнул ни с чем не сравнимый запах жасмина, я понял, что это и есть счастье, рай или что-то подобное.

Когда жасмин цветет, то его запах распространяется по всему нашему дачному участку.

И теперь, по примеру японцев, которые выезжают семьями и с друзьями любоваться цветущей сакурой в апреле, мы приглашаем наших родственников и друзей в июне любоваться и наслаждаться ароматом цветущего жасмина и размышлять над мудростью природы.

Из личного архива

Учителям, учащимся и работникам
Черемховской средней школы
Жителям села Черемхово Красночикойского района
Читинской области

УВАЖАЕМЫЕ ЗЕМЛЯКИ, ДРУЗЬЯ, ТОВАРИЩИ!

С огромной радостью приветствуем и обнимаем учителей, учащихся и работников прошлых, настоящих и будущих лет Черемховской средней школы, земляков-черемховцев всех поколений – «гуранов», «семейских» ... и славных забайкальцев и россиян!

Желаем всем доброго здоровья, бодрости духа, личного и семейного счастья, благополучия, успехов и удачи во всех делах и начинаниях на благо России и родного Забайкалья!

Любите жизнь – она так быстротечна – и стремитесь, чтобы она постоянно становилась хотя бы немного лучше для всех!

С искренним уважением и поклоном

Директор Черемховской средней
школы, завуч, учитель русского
языка и литературы 1951-1969 гг.

Швецова
Евдокия Ефимовна

Выпускник школы 1967 года,
«серебряный медалист»

Воронов
Виктор Васильевич

Учащийся 9 класса (1969 г.)
И все наши семьи
Вороновых-Швецовых!

Воронов
Владислав Васильевич

**И вечно живут в нашей
памяти и сердцах:**

Директор Верхне-Чикойского
коопзверопромхоза, ветеран
Великой отечественной войны

Воронов
Василий Георгиевич

Бабушка

Швецова
Серафима Никифоровна

Выпускник школы 1969 года,
воин-пограничник заставы
острова Ратманова

Воронов
Владимир Васильевич

Чита – Черемхово – Борзя – Иркутск – Шелехов – Москва -
полустанки нашей жизни

25 июня 2002 г.

Письмо директору Черемховской
средней школы Красночикойского
района Читинской области
ШАЛБЕЦКОМУ ВС.

Дорогой Валерий Спиридонович! Здравствуйте!

Спасибо за приглашение присутствовать на юбилее
вверенной Вам школы. Время так быстро пробежало. И все
осталось в славных воспоминаниях.

Школа 45 лет назад была реорганизована в среднюю.
Вопреки желаниям районного управления. Шла славная битва
в пути, из которой не всегда выходил победителем.

Хочется выразить запоздалую признательность
родительской общественности, местному самоуправлению
с.Черемхово, с.Афонькино, с.Ядрихино, с.Зашулан, Усть-
Ямаровки, курорта Ямаровки (директору Митрошину). Они
были верными союзниками в этом общем нужном деле.
Укрепляли материальную базу школы.

Порукой в работе был славный педагогический коллектив.
Стиль работы каждого был индивидуален.

Это и:

Иванова Татьяна Николаевна,

Гостева Зинаида Григорьевна,

Кожемякина Серафима Ивановна,

Баранов Василий Алексеевич,

Баранова Анна Ионовна,

Разумов Юрий Николаевич,

Разумова Валентина Максимовна,

Иванов Николай Феоктистович,

Бураков Василий Петрович,

Климов Юрий Михайлович (мастер спорта по гимнастике),

Лопаницын Петр Семенович (музыкальный виртуоз),

Соболева Татьяна Дмитриевна,

Мельников Анатолий Васильевич (Моя правая рука. Чтобы
в школе всегда был свет и работал радиоузел).

И многие другие...

(Увы, «иных уж нет, а те далече...»).

В работе школы жил лейтмотив – учить каждого и учить хорошо. Как это удавалось?! Но школа была для ученика. И школу дети любили.

Формирование навыков самостоятельно добывать знания, увлеченность спортом, художественной самодеятельностью, любовь к поэзии... – магистральные направления в работе педагогического коллектива.

*...И теперь я всех вас видеть жажду,
Некогда любившие меня,
Мною не прощенные однажды
Или не простившие меня...*

(Р.Гамзатов)

Сейчас новое время. Новые песни. Технические средства обучения в достатке. Работа школы усложнена. Главной фигурой в школе был и остается Учитель. Ему, Учителю, отданы сердца детей. Так каждый день за них в тревоге. За их сердца идут бои. И надо быть солдатом, чтобы не сдать высот и выиграть бои...

Валерий Спиридонович, спасибо Вам за теплый, искренний прием моих сыновей в стенах родного дома и родной школы. Они были равными среди равных. Вы оставили у них приятное впечатление во всем.

Желаю педагогическому коллективу здоровья, благополучия в семьях, творческих успехов и удач!

С новым учебным годом! И молодым юбилеем!

С уважением Швецова Евдокия Ефимовна,
учитель русского языка и литературы, завуч и директор Черемховской средней школы с 1951 по 1969 гг., кавалер ордена «Знак Почета», Юбилейной медали «К 100-летию со дня рождения В.И.Ленина», ветеран педагогического труда

г. Иркутск

14 августа 2002 г.

Лучшие люди России в деле охоты, рыболовства и сохранения экологического благополучия родной природы.

ВОРОНОВ Василий Георгиевич (1920-1994). Охотовед. Биолог. Участник и инвалид Великой Отечественной войны – командир саперного взвода Первой Ударной штурмовой комсомольской инженерно-саперной бригады Резерва Верховного Главного командования.

Родился 14 января 1920 в деревне Тайна, Газимуро-Заводского района Читинской области. В 1937 окончил курсы техников лесного хозяйства и лесоустройства при Иркутском областном управлении лесов местного значения. В 1962 заочно с отличием окончил Иркутский пушно-меховой техникум по специальности товароведение животного и пушно-мехового сырья. До войны работал директором лесхоза в селе Бырка Читинской области. Но свое призвание нашел в разведении зверей и разумном использовании природного богатства забайкальской тайги. С 1958 по 1968 руководил созданным им Верхне-Чикойским коопзверопромхозом в селе Черемхово, Красночикойского района Читинской области с общей площадью таежных угодий более 1 млн. 300 тыс. га, в т.ч. более 220 тыс. га плодоносящих кедровников.

Небольшим коллективом этого хозяйства в составе 63 штатных охотников и около 200 охотников-любителей с соблюдением норм отстрела и отлова зверей и рыбы ежегодно добывалось до 1500 экземпляров знаменитого баргузинского соболя, около 35 тыс. белок, свыше 250 тонн кедровых орехов, около 7 тонн мяса диких животных, свыше 4 тыс. тонн рыбы, по 7 тонн ягод и грибов.

С 1968 по 1980 В.Воронов возглавлял Борзинское зверохозяйство в степном районе Читинской области. Первое стадо норвежских голубых песцов состояло из 150 голов (125 самок). К 1976 под руководством Василия Георгиевича поголовье увеличилось до 2216 голов, в т.ч. 1803 самок. На Иркутскую пушно-меховую базу было отправлено около 14 тысяч шкурок голубого песка высокого качества. Лучшие партии меха голубого песка особо отмечались на Международном аукционе в г. Ленинграде.

Верным другом и неизменным помощником В. Воронова была жена – Е.Е.Швецова, работавшая долгое время учителем русского языка и литературы, завучем, директором Черемховской средней школы и проводившая большую разъяснительную и пропагандистскую работу по охране природы среди учащихся и жителей населенных пунктов Забайкалья.

В семейной атмосфере любви к труду, людям, природе и родному забайкальскому краю с помощью бабушки Серафимы Никифоровны, воспитаны трое сыновей. Виктор, известный в стране и за рубежом ученый-экономист, после увлечения охотой и рыбалкой на берегах Байкала, стал в свободное время заниматься пчеловодством на Подмосковной земле. Владимир был отменным рыболовом на реках Чикой, Иркут и Ангара, а также на погранзаставе острова Ратманова на Чукотке. Владислав увлекается охотой и рыбалкой, возглавляет общество охотников и рыболовов Иркутского завода сборного железобетона, руководит на общественных началах охотничьим приписным хозяйством завода.

По инициативе В. Воронова впервые в стране в 60 годах XX столетия в селе Черемхово был построен Дом Охотника.

На протяжении многих лет верными соратниками и помощниками В.Воронова в развитии охотничьего хозяйства и природоохранной деятельности были Н.К. Соболев, Н.Г. Шекунов, В.Д. Кривошеев (на фото слева направо), В.П. Бураков, И.Х. Хафизов, Т.Е.

Швецов, В.Г. Васильев, Г.И. Пярых, В.П. Никитин и др.

В. Воронов награжден двумя орденами Отечественной войны I и II степени, орденом Красной Звезды, орденом Богдана Хмельницкого, орденом Трудового Красного Знамени, многими медалями Правительства Российской Федерации и ВДНХ СССР.

П.Бережной

*А с этой песней на слова Михаила Танича
мы не расстаемся вот уже много лет*

НА ДАЛЬНЕЙ СТАНЦИИ СОЙДУ

На дальней станции сойду,
Трава – по пояс!
И хорошо, с былым наедине,
Бродить в полях
Ничем, ничем не беспокоясь
По васильковой
Синей тишине.

На дальней станции сойду, -
Запахнет медом!
Живой воды поплюю у журавля!
Тут все – мое,
И мы, и мы отсюда родом –
И васильки,
И я, и тополя.

На дальней станции сойду, –
Необходимой,
С высокой ветки
В детство загляну
Ты мне опять позволь,
Позволь, мой край родимый,
Быть посвященным в эту тишину!

На дальней станции сойду, –
Трава – по пояс!
Зайду в траву, –
Как в море – босиком!
И без меня обратный
Скорый-скорый поезд
Растает где-то
В шуме городском.

**Российская академия государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

***Международная школа управления
«ИНТЕНСИВ»***

75-й ГОД НА РЫНКЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УСЛУГ!

**ВСЕРОССИЙСКИЕ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ
КОНФЕРЕНЦИИ, КОНГРЕССЫ,
СИМПОЗИУМЫ**

**СЕМИНАРЫ И КОНСУЛЬТАЦИИ ДЛЯ
РУКОВОДИТЕЛЕЙ И СПЕЦИАЛИСТОВ ПО
НАЛОГООБЛОЖЕНИЮ, БУХГАЛТЕРСКОМУ УЧЕТУ,
ФИНАНСОВОМУ АНАЛИЗУ, АУДИТУ, МАРКЕТИНГУ,
ПРАВУ, УПРАВЛЕНИЮ ЗЕМЕЛЬНЫМИ РЕСУРСАМИ, КАДАСТРУ ОБЪЕКТОВ
НЕДВИЖИМОСТИ, ДЕЛОВОМУ ЭТИКЕТУ И ДР.**

**ПОДГОТОВКА И ПОВЫШЕНИЕ
КВАЛИФИКАЦИИ АУДИТОРОВ,
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ БУХГАЛТЕРОВ,
ОЦЕНЩИКОВ**

Телефоны: (095) 436-0624, 436-0035, 436-0325, 436-0707,

Телефоны/факсы: (095) 436-0011, 436-0624

Е-mail: intensiv@ur.rags.ru

Интернет: www.rags.ru

119606, Москва, пр-т Вернадского, 84 (ст.метро «Юго-Западная»)

*Где-то багульник
на сопках цветет...*

Воронов Виктор Васильевич, кандидат экономических наук, доцент. Родился в г. Чите, окончил Иркутский политехнический институт по специальности "инженер - строитель".

Трудовую деятельность начал на строительстве Иркутского алюминиевого завода в г. Шелехов - мастер, прораб, секретарь комитета комсомола треста "Иркутскалюминстрой". Работал первым секретарем Шелеховского горкома комсомола, вторым секретарем Иркутского обкома комсомола, ответственным за отдел рабочей молодежи Центрального Комитета ВЛКСМ (курировал строительство Байкало-Амурской железнодорожной магистрали), заместителем начальника Управления Министерства транспортного строительства СССР, консультантом Академии общественных наук при ЦК КПСС, а с 1991 года - директор Международной школы управления "Интенсив" Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Член Совета по аудиторской деятельности при Министерстве финансов Российской Федерации, член Правления общества дружбы "Россия-Япония", заместитель председателя Правления Иркутского землячества "Байкал" (г. Москва). Автор ряда книг, публикаций и статей по управлению экономикой, аудиту, финансовому менеджменту, о комсомоле, строителях и БАМе. Пчеловод - любитель, увлекается видеосъемками.

